

Инна Баринская

*Детектив
сильных
страстей*

ЭКСМО

**Магия
имени**

Инна Юрьевна Бачинская

Магия имени

Серия «Дикие лебеди», книга 1

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4998544
Инна Бачинская. Магия имени: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62785-1

Аннотация

Инга с трудом удерживала каменно-тяжелое тело Тамирисы и пятилась к двери, понимая: случилось непоправимое... Тамириса выскользнула из рук Инги и упала на пол, глухо стукнувшись о выщербленную половицу. Она лежала неподвижно, подогнув под себя руки, как большая нелепая кукла. Инга рванулась из кладовки, с ужасом захлопнув за собой дверь. Она промчалась по саду и, укрывшись под деревом, дрожащей рукой набрала номер Шибаяева. Услышав его голос, она чуть не зарыдала от облегчения: «Забери меня отсюда»... Шибаяев гнал машину, выбирая пустынные улицы подальше от центра города. В Посадовке он был через двадцать четыре минуты после звонка Инги. Отгоняя дурные предчувствия, он побежал к деревьям. Там никого не оказалось... Шибаяев стал звать Ингу, почти зная – все напрасно, не желая верить, что произошло страшное и непредвиденное...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	31
Глава 3	49
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Инна Бачинская

Магия имени

Движущая сила Небес непостижима. Она сгибает и расправляет, расправляет и сгибает. Она играет героями и ломает богатырей...

Конфуций

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Птицы пролетные!

И вы обратились в сумрак

Весеннего вечера.

Бонте (? – 1714)

Пролог

Около полуночи повалил обильный липкий снег с дождем. Казалось, зима, спохватившись и мучительно содрогаюсь, пытается удержаться под порывами теплых южных ветров. Разверзлись хляби небесные, и гигантские тяжелые хлопья снега устремились с белесого неба вниз, накрывая размокшую землю, озера черной талой воды и серые длинные

острова прошлогодней травы, похожие на спины прячущихся там доисторических животных.

Фары медленно двигающегося автомобиля упирались в мельтешащую снежную стену, колеса буксовали в размокшей грязи, машину заносило. Человек за рулем, подавшись вперед, напряженно, до боли в глазах, пытался разглядеть, что впереди, проклиная себя за опрометчивое решение сократить путь и свернуть с окружного шоссе на узкую разбитую дорогу, где если застрянешь, то до утра. Он был за рулем со вчерашнего дня, измотан до предела и голоден – не желая тратить времени на длительную остановку, около трех дня он на ходу перехватил кофе в какой-то дорожной забегаловке, нарушив данное себе слово не отправляться в путь на пустой желудок. Он спешил домой, где его ожидали молодая жена и двухмесячный ребенок, смешной мальчик Коля, и представлял себе свой теплый дом, обед, закутанный в старое одеяло, и горячий душ. Он представлял, как жена, стоя у окна, с беспокойством вглядывается в ночь, и лицо у нее испуганное и печальное. Он считал часы, оставшиеся до дома, и в нетерпении уже у самого города свернул на эту чертову дорогу, проехать по которой под силу лишь танку. Он сжимал руль так сильно, что побелели костяшки пальцев, не замечая, как шепчет, подбадривая машину: «Ну давай, выручай... ну еще чуть-чуть, родная, давай, моя хорошая, моя ласточка, умница... мы доедем, осталось совсем ничего... черт бы побрал эту погоду, весна называется, потонуть можно, пробьемся,

уже скоро... скоро...»

Машина продвигалась вперед рывками, натужно ревела мотором, словно жалуясь. Мужчина включил радио, но разухабистый мотив вызывал раздражение и отвлекал, и он выключил его, продолжая разговаривать со своим автомобилем, как с живым существом, обещая, что вот-вот они поднимутся на пригорок, там грунт потверже, и оттуда до дома рукой подать, а там...

Ему показалось, что ослепительно-белая огромная птица, взмахнув крыльями, упала сверху и ударилась в ветровое стекло, и от того места, в которое пришелся удар, тотчас же с легким треском побежала в стороны паутина трещин, затягивая его серебристым инеем. Птица скользнула по радиатору и исчезла так быстро, что водитель не успел ее рассмотреть. Он вдавил до предела педаль тормоза, сила инерции бросила его вперед, и он ощутил боль в груди от удерживающего его привязного ремня. В середине ветрового стекла зияла небольшая дыра с зубчатыми, испачканными красным, краями. Струя ледяного воздуха с силой устремилась в нее. Он почувствовал, как острые кусочки льда впились ему в щеки, лоб, подбородок, инстинктивно зажмурился и отшатнулся. Когда он открыл глаза, смутно надеясь, что ему приснился страшный сон и ничего этого не было, дыра в стекле зияла прямо перед ним по-прежнему и походила на вход в преисподнюю. Мотор уже не гудел, жалуясь, а работал мерно и негромко, и он услышал тяжелое шуршание снега снаружи.

Двигаясь как автомат и слабо представляя, что же теперь будет, водитель поставил машину на ручник и отстегнул ремень безопасности. Помедлив, открыл дверцу, неловко вывалился в белую мутную пелену и тут же почувствовал, что оглох и ослеп, цепкие холодные лапы снега больно сжали его лицо. Порыв ветра едва не сбил с ног. Держась за машину, он побрел почти по колено в ледяной воде на свет фар. Он ничего не видел, а только чувствовал бешено крутящееся вокруг снежное варево. Обогнув машину, он опустился на колени и принялся шарить руками вокруг, вряд ли отдавая себе отчет в том, что он делает, и не чувствуя ничего, кроме пронизывающего холода ледяного крошева под ногами. Перед глазами стоял ослепительный взмах белых крыльев.

Наконец он нащупал онемевшими руками под колесами что-то тяжелое и неподвижное и потянул на себя. Он тянул и тянул, ничего не видя, и ему казалось, что никогда еще за всю его жизнь ему не было так безнадежно и тоскливо, как в эти бесконечные минуты. Когда вытащил то, что принял за белую птицу, в круг света от фар, он понял, что это – женщина. Полураздетая, босая, с разбитым в кровь лицом.

Мужчина стоял на коленях, рассматривая женщину, неизвестно каким образом появившуюся ночью в этом слепящем аду, вдали от человеческого жилья. Он посмотрел вверх, словно ожидая получить ответ, но не увидел там ничего, кроме мутной белесости. Он с трудом поднялся, держа ее на руках, и осторожно пустился в обратный путь. Когда он открыл

дверцу, то сообразил, что ему следовало обойти машину со стороны пассажирского места. Он опустил женщину на водительское сиденье. Она сложилась, как деревянная кукла на шарнирах – голова запрокинулась, плечи поникли, руки безвольно упали на колени. Мокрые волосы облепили шею и плечи.

Он видел ее тонкую голубоватую шею с родинкой, узкие запястья, острые колени. Через мокрую ткань рубашки просвечивали темные соски. Пугающе неподвижная, холодная и мокрая, она полулежала на сиденье, и казалось, жизнь вытекает из нее по капле... если в ней оставалась еще хоть капля этой самой жизни.

Ему так и не удалось передвинуть ее на пассажирское сиденье, и он примостился рядом, чувствуя ледяной холод ее тела. Чтобы избавиться от озноба, он включил печку. Теплый воздух с мягким шелестом ударил ему в лицо. Умный и послушный механический зверь, живущий в моторе, работал равномерно и уверенно, и эта уверенность постепенно передалась водителю. Он нажал на акселератор, и автомобиль, вздрогнув, мягко тронулся с места...

Глава 1

Встреча

Он бежал за кем-то, кто мчался далеко впереди, бухая тяжелыми подкованными сапогами, мелькая черным коротким бушлатом, сворачивая за неожиданно вырастающие из ниоткуда острые углы, поджидал Шибаева в темных провалах и щелях, целился из пистолета с удлинненным стволом, нажимал на курок, после чего из дула с грохотом извергались красное пламя и черное облако дыма, а он, делая рывок в сторону, пытался уйти от пули. Дуло смотрело ему прямо в лицо, и он всеми фибрами души ощущал холод вороненого металла у себя над переносицей, в том месте, куда этот поддонк влепит пулю... вот сейчас... сию минуту... бах! Грохот выстрела, огонь и дым... еще один выстрел... вслед за ним еще и еще! Он рывком сел на постели, чувствуя испарину на спине, сунул руку под подушку, нащупал холодный металл, подумав мимоходом, что есть предметы, которые даже в самую большую жару остаются холодными. Револьвер послушно лег в ладонь. Он взвел курок. Щелчок получился оглушительно громким. Прислушался. Было тихо и очень темно. Уличный фонарь разбили местные подростки еще неделю назад. Просто так, от скуки.

Едва серел прямоугольник окна, значит, сейчас не боль-

ше трех. Храпел сосед Колян за стеной, снова пришел податый, гонял свою половину – совсем отбился от рук, сволочь, перестал бояться. Еще немного – и полезет бить морду. Мерно капал кран, тикал будильник, плоский сухой треск – тик-так, тик-так. Звуки были родными и успокаивали. И когда он совсем уже было пришел в себя, грохот, раздавшийся из кухни, заставил его слететь с кровати, больно вдавиться в стену плечом и замереть на секунду, затем в два прыжка преодолеть расстояние до кухонной двери, рывком распахнуть ее ногой и заорать страшным голосом: «Руки!»

Шибаетов ожидал вспышки выстрела в ответ, но ничего не произошло. Капал кран, в котором он никак не соберется поменять прокладки. Тянуло сквознячком. Он завел левую руку за спину, нащупал выключатель. Свет полумертвой лампочки залил кухню, осветил страшный беспорядок, какие-то коробки, полиэтиленовые мешки, разбитую фарфоровую чашку на полу в луже темной жидкости, горы немойтой посуды не только в мойке, но и на столе и сидящего на нем громадного рыжего кота, который непристеливо смотрел на него, оторвавшись от малоаппетитной снеди в консервной жестянке. Форточка слегка покачивалась и скрипела, показывая, откуда появился зверь. Кот вернулся к жестянке и стал так старательно вылизывать ее, сунув внутрь морду, что она, как живая, толчками продвигалась к краю стола и наконец свалилась, произведя знакомый уже грохот. Кот удивился и вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что стало с банкой.

При виде усилий голодного животного хозяин почувствовал угрызения совести, так как прекрасно знал, что такое пустой желудок. Подошел ближе и слегка щелкнул по круглой кошачьей башке. Тут же отдернул оцарапанную руку, пробормотав: «Да что ж ты, гад, делаешь? А если я тебя?» Потянул дверцу холодильника, достал сверток с колбасой. Кот издал громкое мурлыканье, спрыгнул на пол, задрал хвост и побежал к своей давно не мытой миске, стоявшей у двери. Оглянулся на хозяина и сипло мяукнул. «Шевелись!» – было написано на его разбойничьей морде.

Кота звали Шпана, и был он настоящим мужиком, драчунном и ловеласом. Левое ухо у него было разорвано и напоминало перо экзотической птицы, широкий нос – в боевых шрамах, характер он имел нордический – сильный и независимый. Он уходил и приходил, когда хотел, вспрыгивая на широкий карниз дома, оттуда на козырек над подъездом, потом на перила соседского балкона, а потом в родную форточку, открытую и зимой, и летом. Пока кот с аппетитом поедал колбасу, хозяин его, Александр Шибает, с отвращением рассматривал кухонный интерьер, ночью при свете дохлой лампочки казавшийся еще гаже, и в который раз давал себе обещание немедленно вынести вон ненужный хлам, в первую очередь бутылки, помыть посуду, полить пыльный кактус, неизвестно откуда взявшийся и прозябавший на окне с незапамятных времен, и протереть пол. «Не может нормальный человек жить в таком... такой среде», – думал Шибает, попа-

дая в смысловую ловушку, так как сразу же вслед за первой появлялась вторая мысль: «А кто здесь нормальный? Разве может называться нормальным человек, который: первое – с трудом себя содержит, зарабатывая гроши, второе – не имеет будущего, так как, третье, ничего из того, чем можно заработать, он делать не умеет». Кухонная среда отражала реальную действительность, от нее на душе делалось еще омерзительнее.

Спать уже не хотелось, тянуло сесть и задуматься о смысле жизни. Общеизвестно, что ночью хорошо думается и разные философские мысли лезут в голову. Он уселся на табуретку и стал внимательно наблюдать за котом, размышляя при этом, что Шпане нужно совсем немного – улица с друзьями и подругами, еда и угол дивана с мягкой подушкой, чтобы сделать его довольным жизнью. Он не беспокоится о завтрашнем дне, видимо, полагая, что если Бог даст день, то он также позаботится и о пище, имея в виду пищу материальную, а никак не духовную. Шпана – естественный прагматик, постигший смысл жизни: живи, радуйся и молись, чтобы не стало хуже. Хотя последнее, пожалуй, лишнее. Не стал бы Шпана молиться, даже если б мог. Не тот характер.

Кот, не подозревая, что его персона вызывает такой пристальный интерес, неторопливо доел колбасу, вылизал миску так, что и мыть не надо, и, умиротворенный, подошел к хозяину. Толкнул боком в ногу, потерся головой о колено, что значило «спасибо». «А поцарапал меня кто?» – спросил Ши-

баев. «Мр-р-р, – ответил кот, – какие счета между своими?» И отправился в комнату на диван, а Шибаев уже в который раз задумался о смысле жизни, чувствуя себя глупым сыном мельника, которому достался в наследство умный кот.

«А ведь Шпане все равно, что я собой представляю, – подумал он вдруг. – Ему наплевать на то, что я коррумпированный мент, и на то, что меня вычистили из конторы за взятки, хотя какие там взятки, но, с другой стороны, это еще хуже – ведь если красть, так миллион. А иначе не прожить, все берут».

«Э нет, постойте, Александр Николаевич, – одернул он себя, – что же это получается? Все крадут, берут взятки, обманывают ближнего, колотят жен, упиваются в хлам, убивают друг друга! Значит, можно оправдать любое свинство тем, что все так делают? И между ним, капитаном полиции с высшим образованием и будущим, которое осталось в прошлом, и старлеем Суньковым, который сшибает рубли у торговков на вокзале, нет принципиальной разницы? Выходит, нет. С точки зрения диалектики. И сколько угодно можно жаловаться на судьбу в виде черномазого лоточника, который сунул ему, а он взял. И добро бы хоть проданся за нормальную сумму, а то как дешевая шлюха...» Шибаеву самому было непонятно, что хуже: то, что он взял так мало, или то, что он взял вообще. Да нет, конечно, все ему было понятно. Он вспомнил взгляд своего начальника, полковника Баскова, когда тот вызвал его, своего любимчика Сашку Шиба-

ева, и сказал ему... вмазал коротко и по-мужски, одним словом. «Из-за таких, как вы...» – сказал Басков. На «вы». Хорошо хоть до суда не дошло, комиссовали его по здоровью из-за старого ранения, а то припухал бы сейчас зэк Шибает на нарах на радость разномастному преступному элементу. И поминай как звали! Был Александр Шибает и весь вышел! Какой смысл в подобном витке судьбы? Если бы не экс-супруга, позвонившая и сказавшая...

Бывшая жена Вера – неплохой человек, но какой-то безрадостный. Все у всех всегда лучше, чем у нее, – и одежда, и мужья, и квартиры, о чем она часто сообщала Шибаету. Потом у нее случилась большая любовь на почве кризиса среднего возраста.

– Рано вроде, – только и сказал Шибает, когда она поделилась с ним своими сожалениями, что жизнь проходит, а она никогда еще не была за границей, нет у нее ни одного вечернего туалета от Ива Сен-Лорана или хотя бы от Славы Зайцева, и бриллиантов тоже нет, а новый возлюбленный, будучи человеком состоятельным, чем-то там торговал (а значит, был ворюгой, как подсказывало Шибаету классовое чутье), обещал, что все у нее будет...

– Что, например? – поинтересовался Шибает.

– Все! Как у всех! Он меня любит! – ответила гордо Вера.

Расстались они почти дружески, жаль только сына – хороший пацанчик растет. Так вот, позвонила Вера и заявила, что ребенку нужен компьютер.

– Славик, конечно, даст деньги, – сказала она. Славиком звали нового мужа. – Но ведь у мальчика есть отец!

В этом был резон. Шибаев был отцом не особенно хорошим по причине вечной занятости, но и не таким уж и плохим, чтобы не купить ребенку компьютер. Вот только деньги где взять?

Такова предыстория его падения. В редком случае люди падают по своей воле, как правило, существует десяток причин, объясняющих, почему так случилось и кто на самом деле виноват. Но история Александра Шибаева была прозрачна как стекло, и он никого не обвинял. Иногда он спрашивал себя: а что, если бы его не оказалось дома, когда позвонила Вера? Или... Короче, было интересно, взял бы он деньги, если бы не компьютер? Легко сказать «нет», когда знаешь, чем это кончилось. Моральная проблема «брат – не брат», особенно если дают, на текущий момент была неразрешима. Уж очень данный момент оказался паршивым...

Шибаев обвел взглядом кухню, прикидывая, с чего начать, если, скажем, придет блажь навести здесь порядок. Бутылки в первую очередь. Лишившись работы, доброго имени и имиджа порядочного человека, он, как всякий нормальный мужик, запил. И пил почти неделю, пока к нему не заявился в гости сосед Колян, чмо болотное и пьянь, и не привел дружка по имени Эдик, чье досрочное освобождение они вдвоем праздновали уже третий день. Раньше Шибаев и Колян находились по разные стороны баррикад, а теперь они

почти родственники или члены клуба пьющих безработных. Колян бросился обниматься, Эдик смотрел волком – не доверял ментовской натуре. Оба были хороши до такой степени, что хотелось крепко взять их за шиворот, развернуть, дать пинка и спустить с лестницы.

«А чем ты лучше?» – подумал Шибаев о себе, как о постороннем лице.

– Сашок, не пей с кем попало, – поучал его, пацана еще, дядька Гоша, отцов брат, человек пьющий, но головы при этом не теряющий. – Стыдно не пить, а пить с кем попало!

Явление соседа с Эдиком было моментом истины – Шибаев посмотрел на себя со стороны и понял, что если он выпьет сейчас с дружбанами, то уже не отмоется и они его за фраера держать будут.

– А я с тобой пить не буду, – ответил он Коляну на приглашение.

– Чего-чего? – не понял тот.

– Я со всяким г... не пью, – сказал Шибаев и, не слушая отборного мата, закрыл дверь.

Теперь он, конечно, не пьет, то есть пьет, но не нажирается, а как все. А кто сейчас не пьет? Бардак в квартире – это, конечно, плохо. Он посмотрел на часы – тигриная морда с желтыми глазами, глаза бегают туда-сюда. Подарок коллеги из энвайпиди, что расшифровывается как «Нью-йоркский полицейский департамент», где Шибаев стажировался два с половиной года назад, когда еще подавал надежды. Прожил

месяц в доме у сержанта тридцать пятого манхэттенского отделения по имени Джон Пайвен.

– Мой дед родом из России, – припомнил Джон, когда их познакомили, – из Киева. «Пайвен» – это распространенная русская фамилия, я только забыл, что она значит. Позвоню своему старику и спрошу.

Они вместе ездили на работу в отделение, участвовали в облавах в нижнем Манхэттене, искали наркотики в притонах Чайна-тауна, дежурили на «Янки-стадиум» во время бейсбольного матча.

– Им труднее, – поделился Шibaев с товарищами, когда вернулся домой, – у них расовые проблемы на каждом шагу. И не дай бог вмазать какому-нибудь черномазому, уж лучше белого отметелить.

Дружка Джона, сержанта Кальендо, судили за превышение власти, когда он дал по зубам черному наркоману, который угнал машину и врезался на ней в газетный киоск. А прохожий, наблюдавший задержание, сфотографировал сцену избиения и отослал снимки в газету как свидетельство полицейской brutality. Правда, сержанта Кальендо оправдали, потому что наркоман, получивший по зубам, находился в розыске за убийство. Но черная общественность была очень недовольна, устроила пару демонстраций и побила витрины лавок в районе Сити-холл.

Фамилия Джона на письме выглядела как «Пивен», что, оказалось, значит «петух» по-украински. По-русски ли, по-

украински – для американца Джона без разницы. Недавно он прислал письмо – несколько строчек: жив, здоров, в отделе у них новый начальник, а самое главное, сын родился, второй уже, назвали Александром. Александр Пайвен! И они просят его, Александра Шибаева, стать крестным отцом новорожденному. Фотография счастливого семейства прилагалась – сам Джон, старший сын, десятилетний Коннор, и Нэнси, жена Джона, с младенцем Александром на руках в крошечном дворике, на фоне собственного дома. Сбоку видны детские качели и барбекюшница, где они с Джоном жарили мясо.

Шибаев не написал Пивену о том, что он сменил профессию. Постеснялся. Вот встанет на ноги, тогда, может быть, и напишет. Жизнь нельзя сказать чтобы наладилась, но какие-то просветы наметились. Два дня в неделю, по вторникам и пятницам, с девяти до двух у Шибаева «присутственные» дни – он принимает граждан, нуждающихся в услугах частного детектива. Офис принадлежит его другу детства, адвокату по бракоразводным делам Алику Дрючину. Сейчас у нас, как за границей, слава богу, все стали грамотными, и без брачного контракта ни один уважающий себя предприниматель или политический деятель не женится. Алик сначала составляет брачный договор, а спустя некоторый срок представляет в разводе одну из сторон – ту, что больше платит, естественно. В свое время Шибаев выручил Алика, и теперь тот выручает его. Он помог Александру с лицензией частного детектива, правом на ношение оружия, дал путевку

в жизнь не без дальнего прицела использовать его в будущем с пользой для себя. Объявление об услугах частного детектива и Шибаевский домашний телефон периодически печатаются в двух городских газетах. Клиент звонит ему домой, и Шибаев приглашает его в свой офис. Они встречаются, обсуждают проблемы клиента и размер гонорара за услуги, после чего Александр начинает действовать.

Первое дело разочаровало его простотой – нужно было выследить неверного мужа. Где и с кем. Плевое дело, только противно. И баба уж очень неприятная попалась, богатая, самоуверенная, с хамскими манерами. Выследил. Получил бабки. За неделю трудов заработал больше, чем за месяц на прежней работе. И не напрягался, и не подвергал себя риску, и домой приходил вовремя, и еще много других «не», доказывающих, что сейчас ему живется лучше, чем раньше. Только вот с души воротит. Раза два выступил в роли телохранителя другой богатой дамы, потом пришел мужик, которому изменяла жена, как он подозревал – на даче, потом подруга той, первой клиентки, потом первая клиентка пришла снова и попыталась познакомиться поближе... Как тут не выпить?

Вчера он встретил на улице Плуто Михаила Степановича, Мишу, тренера по самбо по прозвищу «Гений дзюдо», маленького сухого человека без возраста с костистым лицом.

– Ши-Бон, – сказал Миша, – ты, я слышал, ушел на вольные хлеба?

Ши-Бон, или Китаец, – так звали Сашу в секции и еще раньше, в школе. Почему Ши-Бон – понятно, из-за фамилии, а почему Китаец не совсем ясно: у Шибаева был типично славянский тип лица, скорее всего из-за «китайской» клички. Китаец Ши-Бон.

Шибаев побагровел и проямлил:

– Да тут, Степаныч, понимаешь, так получилось... – не веря, что Плюто неизвестна причина его неприятностей.

– Ты бы зашел как-нибудь, – продолжал тренер, – мы сейчас за рекой тренируемся, кросс десять кэмэ бегаем, весна, трава молодая, воздух, солнце... Каждое воскресенье сбор в семь ноль-ноль у пешеходного моста. Приходи. – Он скользнул по бывшему воспитаннику взглядом, от которого не укрылась небритость его лица, весенняя грязь на башмаках, некоторая неглаженность брюк.

«Макаренко чертов, – подумал Шибаев, шагая, не замечая луж и вспоминая взгляд Плюто. – Иди ты со своими подходами куда подальше!»

Лицо его горело от стыда, как будто ему надавали оплеух.

Часы показывали четыре утра. В форточку тянуло пьяным весенним духом. Спать по-прежнему не хотелось. Если собрать волю в кулак, заставить себя встать с табуретки, сварить кофе покрепче, погрузить тару в полиэтиленовый мешок, а посуду вымыть, а потом таким же чином прибраться в комнате, то к семи ноль-ноль можно как раз успеть к пеше-

ходному мосту. Увидеть ребят, размяться и заодно попросить Степаныча насчет стоящей работы. Тело, истосковавшееся по движению, сладко заныло. Он вдруг испытал радостное чувство ожидания перемен. Плюто – надежный мужик, со связями, если захочет – поможет с работой, не век же ему подглядывать в замочные скважины. Да и по ребятам соскучился. Дурак, какой же он, Шibaев, все-таки дурак! За таился, спрятался, как таракан в щель, стреляться хотел... Да-да, были и такие мысли. Дурак!

Он уже уходил из дома, чувствуя себя сильным и молодым в новом спортивном костюме, привезенном из Штатов, который берег и носил исключительно в торжественных случаях, вроде показательных выступлений, с чувством морального удовлетворения от непривычной чистоты, царящей в квартире, со спортивной сумкой в одной руке и мешком пустых бутылок в другой, как вдруг подал голос телефон. Голос был неприятный, дребезжащий по причине расколотого корпуса, издевательский какой-то. Шibaев постоял минуту, ожидая, что звонки прекратятся, но телефон все не утихал, и тогда Александр, поставив сумку на пол, поднял трубку, не будучи до конца уверенным, что поступает правильно. Даже то, что позвонили на домашний телефон... В его объявлении об услугах на всякий случай был указан именно этот номер, но по нему никто практически не звонил, и Шibaев уже подумывал отключить его.

– Шibaев, – сказал он официально, – я вас слушаю.

– Здравствуйте, – ответил женский голос, – как хорошо, что я вас застала! А то, знаете, люди теперь в воскресенье уезжают на дачу. А ваш мобильник не отвечает!

– Я вас слушаю, – повторил он неприветливо, ругая себя за то, что взял трубку. – У меня нет дачи. Батарейка, наверное, села...

– Мне нужно поговорить с вами, у меня большое горе. – Женщина судорожно втянула в себя воздух, а может, всхлипнула.

– Что случилось? – спросил он.

Женщина не отвечала, и Шибает решил, что она сейчас расплечется. Но она не расплакалась, а сказала:

– Пожалуйста, помогите мне, я нашла ваш телефон в газете, вы же частный сыщик... – Она замолчала.

– Хорошо, я встречусь с вами. – Он посмотрел на часы – нужно бежать, Степаныч не прощает опозданий. – Во вторник, в девять утра, запишите адрес...

– Подождите! – вскрикнула женщина. – Почему во вторник? У меня срочное дело, мне нужно сейчас! Немедленно!

– Я занят сейчас! – резче, чем следовало, сказал Шибает.

– А днем?

– Хорошо! – торопливо согласился Шибает, понимая, что иначе от нее не отвяжется. – Сегодня, в пять. Записывайте адрес! – Он стал диктовать ей свой адрес, а она перебивала и спрашивала, где это. – Извините, я очень спешу, – прервал он женщину и бросил трубку. Захлопнул за собой дверь, по-

мчался вниз через три ступени, не дожидаясь лифта, и только во дворе вспомнил о мешке с бутылками, который остался в прихожей. – Черт!

За рекой действительно было хорошо. Жарило всю солнце, поднимались испарения от влажной еще земли, птицы орали, словно сошли с ума. Радовались жизни. Ребята в секции были новые, молодые и незнакомые. Шibaев расслабился и отдался давно забытому чувству физической радости от движения. Кросс бежать было трудно, не хватало дыхания, и время от времени он переходил на шаг. Плюто, казалось, ничего не замечал, он вообще был немногословен. Зачем лишние слова – если человек не дурак, то и сам поймет. А если дурак, то тем более, зачем зря сотрясать воздух? Шibaев впервые за восемь месяцев своей новой жизни чувствовал себя молодым, здоровым и по-щенячьи восторженным. Жизнь, похоже, налаживается.

«Ничего, – невнятно думал Шibaев, чувствуя, как горит лицо от весеннего солнца, – кто не падал, тот не поднимется! Мы еще постриптизим! После черной полосы наступит белая, еще не вечер», не подозревая, что повторяет стандартный набор утешений всех неудачников.

Поговорить с тренером не удалось, тот спешил прогуливать внучку, дочка попросила посидеть с девочкой – собиралась в кино с подружкой.

– Поговорим, – пообещал Плюто, – непременно. Будем

думать вместе, что делать. Приходи, не отбивайся от коллектива, – тем самым он давал понять, что прекрасно понимает шибаетские проблемы.

– Спасибо, – сказал Александр, чувствуя, как защипало в глазах. Да что это с ним такое сегодня – не выспался, что ли?

Он заскочил домой переодеться, с гордостью отметил идеальный порядок на кухне и в гостиной и стал звонить бывшей жене. Вера была недовольна, как всегда, и стала жаловаться, что Славик не вернулся из командировки, хотя обещал, и она, как дура набитая, сидит дома в такой день, беспокоится и ждет его звонка.

– Я хочу взять Павлика в зоопарк, – перебил ее Шибает, – давно обещал.

– Ты много чего обещаешь, – тут же среагировала Вера.

– Например? – Он удивился своему добродушию.

– Да мало ли... – туманно ответила она.

– Я сейчас приеду. – Шибает не стал ждать, пока она вспомнит. – Одень сына.

Вера открыла дверь, одетая в красивый белый костюм, на пальцах – кольца, по одному на каждом. Вооружилась к приходу бывшего мужа. Павлик, тоже нарядный, в джинсах и ярко-красном свитере, бросился к нему уже в прихожей – соскучился. Он подхватил сына на руки, отметив, что тот стал намного тяжелее.

– Ты уже совсем здоровый, – сказал, – тебя и не поднимешь!

– Кофе будешь? – спросила Вера, оглядывая бывшего мужа цепким взглядом и отмечая его загар. Она была из тех женщин, которым кажется, что у брошенного ими мужчины ничего нет впереди и вообще самый интересный период их жизни уже миновал. – Ты что, на пляже был? – спросила она ревниво.

– На тренировке, – ответил Шibaев. – Встретил на днях Степаныча, он затынул. Кофе не хочу, и так нагрузка большая. Молоко есть?

Они прошли на кухню, где было так чисто и красиво – вышитые салфеточки, искусственные цветочки (бывший коллега по работе по кличке Тротил говорил «цветуечки»), расписной тульский самовар, – что казалось, ею никогда не пользуются. Вера налила ему молока в большую кружку, и он с наслаждением выпил, подумав, однако, что лучше бы пива...

– Может, и мне с вами? – раздумывала вслух Вера. – Славик сегодня уже не приедет...

– Не надо, – перебил ее Шibaев. – У нас мужская компания!

Вера надулась. Александр прекрасно знал, что, если бы он пригласил ее с ними в зоопарк, она бы не пошла. Но одно дело – отказаться, когда тебя зовут, и совсем другое – когда не зовут вообще.

– Пожалуйста, недолго, – приказала она. – И не покупай ему мороженого, у него болит горло.

– Ладно, – согласился Шibaев, – я и сам не могу долго, у меня встреча.

– С кем это?

– По делу.

– Папа, – кричал Павлик на улице, – смотри, птица прыгает!

– Это воробей, – отвечал он. – Вот пойдешь в школу, узнаешь про всех птиц.

– Я уже скоро пойду, осенью!

– Молодец!

– Я буду учиться на ком... ком... – Он запнулся.

– На кого? – заинтересовался Шibaев.

– На этого, у которого много денег. Ком-м-мер-сан! – вспомнил Павлик. – Как папа Слава!

– Главное, чтобы человек был хороший, – назидательно сказал Шibaев.

– Я буду хорошим человеком, – пообещал сын.

Около клетки с мартышками они простояли около часа. Павлик громко смеялся и кричал:

– Папа, смотри, этот маленький ест банан! А мама гладит его по головке! Папа, смотри, он повис на ней! Почему он висит на ней?

– Это ее сынок, – объяснял Шibaев, – он ленится, не хочет ходить ножками, вот она его и носит.

– И меня мама тоже носит, когда я устану! Как обезьяна! – вспомнил Павлик. Шibaев рассмеялся. Сын, радуясь, повто-

рил: – Как большая обезьяна! Папа, давай купим печенья и дадим маленькому обезьянышу! Или конфет! Или мороженого!

– Обезьяньим малышам нельзя мороженого, у них может заболеть живот, – сказал сзади женский голос.

Павлик и Шibaев обернулись. Незнакомая женщина, молодая и красивая, улыбаясь, смотрела на них. Павлик открыл рот. Александр рот не открыл, но выражение лица у них стало одинаковое, что еще больше подчеркнуло семейное сходство.

– Как тебя зовут? – спросила женщина.

– Александр, – ответил Шibaев.

– Павлик! – сказал сын.

Она засмеялась. Шibaев тоже рассмеялся.

– Саша, – сказала женщина, – неужели ты меня совсем не помнишь?

Шibaев внимательно посмотрел на ее лицо с маленьким подбородком, тонким ровным носом, серыми, широко расставленными глазами и спросил неуверенно:

– Инга?

– Инга, – ответила она. – Неужели я так изменилась?

– Ни за что бы не узнал!

– А я тебя сразу! – сказала Инга. Она смотрела ему в лицо своими большими серыми глазами.

«Моря ясности!» – вдруг вспомнил Шibaев.

– Красивая пацанка, – сказал однажды его школьный дру-

жок Вадик Стеценко, увидев в вестибюле школы малышку с громадными, как крылья летучей мыши, белыми бантами на голове и портфелем, который был больше ее самой. – Подрастет – головы мужикам будет сшибать не глядя! Посмотри, какие глазищи! Моря ясности! Тебя как зовут?

– Инга, – отвечала первоклашка, робея и глядя на них снизу вверх.

– Подходяще! – похвалил Вадик.

Сколько же им тогда было? Тринадцать? Четырнадцать? А ей не больше восьми, значит, сейчас, стало быть, ей...

«Что за дурацкая манера интересоваться возрастом? – одернул себя Шibaев. – Ментовская манера!»

– Твой? – Инга кивнула на Павлика.

– Мой! – ответил Шibaев.

– Почти такой, как я тогда, – сказала Инга. – Павлик, ты в школу уже ходишь?

– Угу, – соврал тот и покраснел. Ему очень хотелось понравиться Инге.

«Мужик! – с удивлением подумал Шibaев. – Неужели это проявляется так рано?»

Дальше они гуляли вместе. После зоопарка пошли на карусель, потом на картодром, где мальчишки и взрослые гоняли маленькие цветные оглушительно ревушие автомобильчики. Шibaеву пришло в голову, что их принимают за семью. Он бегло взглядывал на Ингу и думал, что прав был Вадик когда-то...

В четыре Шibaев вспомнил, что к пяти ему нужно домой, да еще и Павлика отвезить. Вера уже волнуется.

– Инга, – сказал он с сожалением, – у меня дела сегодня вечером... Я бы с удовольствием перенес их на завтра, но, понимаешь, обещал одному человеку, да и телефона его у меня нет...

– Женщине? – спросила Инга.

– Женщине, – ответил Шibaев, не сообразив соврать. – Клиентке!

– Клиентке?

– Да. У нее срочное дело...

– А ты... кто? – Инга смотрела ему в глаза.

«Конь в пальто», – вспомнил Шibaев дурацкую присказку дяди Гоши.

– Консультант, – коротко ответил он, – по правовым вопросам.

К счастью, Инга не стала уточнять, что такое «консультант по правовым вопросам». И слава богу, а то пришлось бы выдумывать.

– А знаешь, – вдруг решился он, – пошли ко мне. Посидишь на кухне... Или, – спохватился он, подумав, что «на кухне» прозвучало невежливо, – мы с ней на кухне, а ты телевизор в комнате посмотришь. Хочешь?

– Хочу, – ответила Инга, и они отправились возвращать Павлика.

«Ну, везуха, что прибрался, – сказал себе Шibaев, – а то

и женщину привести было неудобно!»

Тут только до него дошло, что красивая женщина согласилась зайти к нему в гости. Его обдало жаркой волной, когда он представил себе, как... Сколько он уже живет монахом? Если не считать Алены из первой квартиры, которая иногда напрашивается на огонек, то изрядно.

Глава 2

Новая клиентка

Звонок раздался ровно в пять, и Шibaев мысленно похвалил посетительницу за точность. Его бывшая жена Вера, например, была невероятной копушей. Сколько ссор у них возникало из-за ее бесконечных сборов, когда она меняла платья, не зная, на каком остановиться, выскакивая из спальни то в одном, то в другом и спрашивая поминутно: «Ну, как тебе?» – и они катастрофически опаздывали. Он злился, а Вера кричала, что только дураки приходят в гости вовремя, мол, полагается задерживаться на полчаса, а то и на час.

– Я буду на кухне, – сказала Инга и выскользнула из комнаты.

Клиенткой оказалась обыкновенная тетка из предместья, не по сезону тепло одетая. Шibaев посторонился, и она, впившись взглядом в его лицо, нерешительно вошла в прихожую.

– Это вы частный детектив?

– Да, – ответил Шibaев, невольно оглядываясь на дверь кухни. – Проходите, пожалуйста.

Он привел ее в комнату и усадил на диван. Сам уселся в кресло по другую сторону журнального столика.

– Я вас слушаю, – сказал он, прикидывая, зачем ей пона-

добился детектив. Только теперь он рассмотрел то, чего не заметил в полутемной прихожей, – у женщины было красное обветренное лицо человека, много времени проводящего на воздухе, заплаканные глаза, огрубевшие от работы руки и черная одежда. Траур? «Траур», – решил он.

– У меня сестра пропала, – начала она, напряженно вглядываясь в его лицо, – уже месяц ни слуху ни духу, даже больше, – сказав это, она замолчала, лицо ее исказилось и еще больше покраснело, а губы сжались в нитку. Шibaев понял, что клиентка сейчас заплачет. Но она не заплакала, удержалась. Стеснялась его, наверное.

– Давайте по порядку, – сказал Шibaев. – Как вас зовут?

– Полина Варламовна, – ответила она. – Мы из Липовцев. Я приехала в пятницу утром... и сразу в полицию... – Она замолчала, посмотрела на него, словно ожидая, что он спросит ее о чем-нибудь, но Шibaев молчал. – Так и так, говорю, девушка пропала, уехала из дома наниматься за границу и пропала... Леночка – младшенькая наша, ей в феврале двадцать исполнилось.

Полина Варламовна говорила и говорила, и ее напевная речь напоминала деревенский плач по покойнику.

– Леночка уехала из дома около двух с половиной месяцев назад, двадцатого февраля. Поехала в город наниматься на работу за границу, как соседская Зинка. Зинка уехала в Италию полтора года назад и уже вышла замуж и ждет ребенка. А девка совсем невидная, Леночка против нее – красавица!

Как получила письмо от Зинки, так и загорелась. «Мне, – говорит, – замуж пора идти и семью заводить (она сказала «семью» – с ударением на «е»), а парней подходящих нет, есть только пьянь подзаборная». Поеду и поеду! И не успокоится никак. Зинка ей и адрес прописала этой конторы по найму, в газете был. И Леночка поехала.

– Я не особенно ее отговаривала, – всхлипнула Полина Варламовна, – за что и казнию себя. Если бы я сказала «нет», она, может, и не поехала бы. Я ей вместо матери, двадцать лет разницы – не шутка. А может, и не послушала бы. Леночка у нас с норовом, младшенькая, балованная. У нас еще три брата есть, все в Липовцах живут, у всех хозяйство. У меня парники, уже в марте первая зелень и лучок, и редисочка, и огурчики – все везу в город. Братья скотину держат. А Леночка говорит, ненавижу такую жизнь, вечно в навозе да в земле. Хочу в чистоте жить. Вот и уехала. Говорит, ждите писем из Италии или из Америки. Она позвонила сразу, как приехала, что все, мол, хорошо, все очень удачно складывается, нашла людей, которые помогут с выездом. И письмо сразу прислала, все про то же, нашла верных людей, мол, скоро уеду. Она у нас любит писать письма. И с Восьмым мартом открытку мне написала, с цветочками. И звонила все время, рассказывала, какая погода, что прикупила себе – туфли или кофточку. Последний раз звонила двенадцатого марта, пятнадцатого пришло письмо, и все, после этого как отрезало. Мы особенно не беспокоились: весна, работы невпоровот,

то удобрения завезти, то рамы поправить, то еще чего, и налоговая наезжает... Крутишься как белка в колесе, а дни-то и проходят, не заметишь как. У меня еще муж и два сына, на всех работы хватает. А потом спохватились, молчит Леночка, уже почти месяц молчит. Телефон не отвечает, адреса нету – Главпочтамт, до востребования, и все! Вот! – Она, порывшись в большой хозяйственной сумке, вытащила тонкую пачку из двух писем и открытки и протянула Шибаеву.

– У вашей сестры были деньги? – спросил он.

– Были, – не сразу ответила клиентка, сбитая с мысли. – Шестьсот долларов, я ей сама дала. – Она всматривалась в него, пытаясь по выражению лица определить, хорошо или плохо то, что у Леночки были деньги. – Вы не думайте, – вдруг спохватилась она, – у нас деньги есть, мы заплатим, сколько скажете.

– Что вам сказали в полиции?

– Ничего толком. Сказали, что загуляла, с девушками это бывает. А только Леночка наша не из таких, она честная. И в школе училась на одни четверки, и потом, когда пошла на работу нянечкой в детский садик, как отработает, сразу домой. Ну, может, к подружке когда забежит или на танцы в воскресенье. Да у нее и мальчика-то не было... – Она вдруг закрыла лицо руками и заплакала.

Шибаев, испытывая неловкость, какую сильный мужчина испытывает при виде плачущей женщины, отправился на кухню принести воды. Кухня оказалась пуста. Он ошелом-

ленно остановился на пороге – Инги не было. Ушла! «Идиот! – подумал он с досадой, – даже телефона не спросил!» И фамилии не помнит, а может, и не знал вовсе. Он почувствовал раздражение против тетки, которая пришла и все испортила, и неожиданную боль оттого, что Инга исчезла. Он тут же устыдился своего раздражения и решил немедленно сообщить посетительнице, что ничем помочь ей не сможет. Не его профиль, так сказать. Почему Инга не дождалась его? Соскучилась, раздумала, мало ли! Кто поймет женщину? Особенно молодую и красивую. Вспомнила, что ее где-то ждут. Он вернулся в комнату, увидел плачущую Полину Варламовну и вспомнил, что собирался принести ей воды. Вздохнул и снова пошел на кухню.

– Полина Варламовна, – спросил он, протягивая ей стакан с водой, – чего же вы от меня хотите?

– Как чего? – Она смотрела на него, словно не понимая вопроса. – Найти Леночку! Они сказали, что заявление надо подавать по месту жительства. Как же по месту жительства, если она в город поехала... если она тут была! Она же отсюда пропала. А они говорят, по месту жительства.

– Полина Варламовна, поймите меня правильно... – начал было Шibaев, но она, почуяв его настроение, молча смотрела на него, и такое страдание было в ее глазах, что Шibaев так и не закончил фразы.

– Они не будут искать, – сказала она вдруг.

– Почему не будут?

– Мне одна женщина в поезде рассказывала, что зятя у ей избили, чуть не убили до смерти. Ну, написали они заявление, все чин-чином, да на том дело и кончилось. Они звонили-звонили, спрашивали, да и перестали. Простой человек никому не нужен, вот если б начальник какой! И заявление даже брать не стали.

– Полина Варламовна, я бы рад помочь, поймите, но... это не совсем мой профиль.

«Черт, – подумал он, – как же ей сказать? Я не хочу заниматься этим делом, я не хочу встречаться с моими прежними коллегами по работе, а встреч не избежать...»

– Они не хотят, вы не хотите, куда же мне теперь?

– Полина Варламовна, – он встал, давая понять, что разговор окончен, – извините, но... – и вдруг услышал, как хлопнула дверь в прихожей. Сердце его дернулось от радости, и он забыл, что хотел сказать. Инга вернулась! – Ладно, – сдался Шibaев, спеша выпроводить клиентку, – позвоните мне послезавтра.

– Так вы беретесь? – Она смотрела на него с надеждой. Так осужденный на казнь смотрит на королевского гонца, спешащего через толпу к палачу.

– Не знаю еще! – Шibaев едва не приплясывал на месте от нетерпения. – Позвоните во вторник!

Больше всего на свете ему хотелось выставить ее за дверь и помчаться на кухню, чтобы убедиться, что Инга снова там и у него не слуховые галлюцинации.

– Мы заплатим, сколько запросите. – Она, кажется, не собиралась уходить. – Митя, старший брат, так и сказал, дай кому следует, лишь бы Леночку нашли! Я и у ворожеи была. Она говорит, живая ваша Леночка, но без сил! Не отпускает ее от себя черный человек, держит в закрытой комнате без окон.

– Без окон? – удивился Шibaев, на секунду забыв, что не собирается заниматься этим делом и деньги брать тоже не будет, страстно желая только одного – чтобы она наконец ушла.

– Без окон! И закрытая! – Она повторяла ему слова ворожеи, видимо, надеясь, что он уловит в них некий тайный смысл. Не дождавшись, сообщила уже в прихожей: – Мы с братом к вам приедем. Вот чуток разгребемся с огородами и приедем! А я завтра загляну.

– Завтра я ничего еще не буду знать, – поспешно сказал Шibaев. – Позвоните послезавтра!

Она наконец ушла. Шibaев тут же забыл о ней и поспешил на кухню. Он стоял, опираясь о косяк, смотрел на Ингу, испытывая такую радость оттого, что она вернулась, какой никак не ожидал от себя. Она, не подозревая, что он стоит у нее за спиной, возилась у раковины, чистила картошку, кажется. На столе лежали пакеты с продуктами. Она сняла свой белый жакет и осталась в легком черном, в белые цветы, платье с короткими рукавами, с глубоким вырезом на спине, в который он видел цепочку круглых нежных по-

звонков. Красивые руки, короткие светлые волосы, тонкая талия... Она повязала зеленый, в желтые ананасы, фартук, которым соседка Алена «пометила территорию». Настырная Алена думала, что ей в конце концов удастся доказать Шибаяеву, что без нее он уже не сможет, и она очень старалась, все время повторяя, что мужчине нужна семья, что его надо беречь, кормить и обихаживать. Это роднило ее с Верой, та тоже считала, что без нее он пропадет. Шибаяев, наблюдая маневры Алены, молча ел приготовленный ею обед, а она, сидя напротив, поминутно спрашивала: «Еще соусом полить? Положить салатик?» При этом он испытывал одно лишь желание – чтобы она заткнулась, чувствуя себя при этом неблагодарной скотиной.

Шибаяев смотрел на Ингу, у которой даже локти были прекрасны, и задыхался от нежности. Потом не выдержал, подошел к ней сзади и обнял, прижавшись лицом к пряно пахнущим теплым волосам. Она замерла и, казалось, перестала дышать, молчала и не пыталась освободиться. И тогда он развернул ее к себе и стал целовать в лоб, глаза, щеки. Она по-прежнему не шевелилась под градом его поцелуев, а потом запрокинула голову и подставила ему губы.

– Инга, – шептал он в перерывах между поцелуями, отрываясь от нее, чтобы окинуть взглядом обретенное так неожиданно сокровище, – Инга, девочка моя родная, чудо мое, откуда ты взялась на мою голову?

Он целовал ее руки и ладони, он готов был целовать ее

платье и туфли, и даже следы ее подошв на полу. Подняв Ингу рывком на руки, он понес ее из кухни, мало что соображая и желая только одного – иначе смерть...

Он не помнил, как они раздевались, он ничего не помнил и пришел в себя, только когда она выдохнула «ах» и с силой вцепилась в его плечи, прижимая к себе, выгнулась и опала...

То, что испытал сейчас Шибает, ни в какое сравнение не шло с тем, что чувствовал раньше. Была Вера, была Алена, были другие, которых он едва помнил, он желал их, а они – его, овладевал ими, но такого ошеломляющего чувства радости, до звона в ушах, счастья и восторга, он не испытывал никогда. Ему хотелось взлететь – он знал, что сможет, и полетать немного по комнате, а потом устремиться в окно и воспарить над городом, его парками, домами, улицами и прохожими, нырнуть в густые белые снежные облака, прошить их насквозь и винтом врезаться в ослепительную синеву над ними. Сердце его мощно билось, легкие, увеличившись в объеме, вбирали в себя потоки воздуха. Инга тихонько дотронулась ладонью до его плеча, и он отодвинулся, отпуская ее, и с удивлением почувствовал, как щиплет глаза...

«Неужели так бывает? – промелькнула мысль. – Неужели так бывает?» И его охватило чувство благодарности к Всевышнему за то, что свел их вместе неожиданно-негаданно...

– А ты помнишь, – спросила вдруг Инга, и он вздрогнул, – как ты подарил мне ящерицу?

– Ящерицу? – удивился Шибаев. Он покопался в памяти – никакой ящерицы там не было. – Не помню!

– Ну как же? – теперь удивилась она. – Маленькую такую, зеленую. Она еще была похожа на человечка, сидела у меня на ладони, вцепившись пальчиками. Все мне завидовали, а я умирала от гордости, что взрослый старшеклассник подарил мне ящерицу.

Шибаев попытался вызвать в памяти образ маленькой зеленой ящерицы, но у него ничего не вышло. А вот Инга запомнила ее и теперь будет помнить всегда. Он подумал, что она запомнила и его, Шибаева, благодаря этому давнему событию, столь важному для нее и совсем не важному для него.

– И что ты с ней сделала?

– Я сначала играла с ней, потом попыталась накормить мухами, но она не ела, и я решила, что она умрет с голоду. Мне стало ее жалко, я отнесла ее в сад и выпустила там. И даже заплакала, когда она удрала в траву, так она мне нравилась.

– Не жалела потом?

– Нет! Даже тогда я уважала права любой личности на свободный выбор. – Он почувствовал, что Инга улыбается.

Мысли его перенесли в далекое детство, и он спросил:

– А помнишь моего друга Вадика Стеценко? Он сказал, что ты будешь парням головы сшибать, когда вырастешь.

– Конечно, помню. Смуглый красивый мальчик. Неужели так и сказал? Вы мне казались очень взрослыми и страшно

серьезными, и у вас были свои, мужские, дела. Ты с ним до сих пор дружишь?

– Дружу. Он служит на Дальнем Востоке, в Находке, военный моряк. Зовет все в гости, а я не соберусь никак.

– А помнишь нашу физичку, Нину Борисовну? Она у вас тоже вела?

– Ядохимикат? Была такая. С вечным насморком. Она нас с Вадиком терпеть не могла и в восьмом классе вlepила ему два балла за год.

– А тебе?

– Мне – четверку. Я физику знал.

– А что стало с Вадиком?

– Ничего! Ты лучше спроси, что стало с ней. Исправила на три балла. Это она сгоряча, не подумав о последствиях.

– А помнишь Ансанну?

– Англичанку? Конечно, помню, разве ее забудешь? Она собирала нас отдельно от девочек и учила манерам. Мы со смеху помирали, но ведь осталось что-то. Когда входит женщина, нужно вставать, когда уходит – тоже вставать и подавать пальто, вилку держать в левой руке, нож – в правой.

– Девочек она тоже учила...

– А вас чему?

– Секрет. Знаешь, я встретила ее года два назад в парикмахерской, она пришла делать прическу, у ее подруги день рождения был. Я поздоровалась, она посмотрела внимательно, говорит, помню вас прекрасно, а вот имя забыла. Ей уже

за семьдесят, а как держится! Спина прямая, словно у балерины, ярко-красный маникюр, а платье! Ты помнишь ее платье?

– Помню шляпки с цветами и кружевные перчатки!

– А шарфы?

– Шарфы не помню.

– Длинные – белые, розовые, голубые. Она их небрежно так закидывала концами за спину. Над ней смеялись, вертели пальцем у виска, но в ней был шик, правда? Она была другая, и все это чувствовали. И самое главное, она не стеснялась быть другой!

– Не помню. В тебе тоже есть шик!

– По-твоему, я похожа на Ансанну?

Они рассмеялись. Их учительница английского языка, Анна Александровна Блок, была невысокого роста женщиной с непропорционально большой головой и бесформенной фигурой, с романтическим характером старой девы и специфическим чувством юмора. Шибяеву хотелось спросить Ингу, чем она занимается, но что-то удерживало его от вопроса. Он боялся услышать, что она несвободна. Ее одежда, золотая «Омега», мягко светящаяся на тумбочке деликатным бежевым циферблатом, черная сумочка хорошей кожи, даже продукты, которые она купила и сложила на кухонном столе, – все говорило о деньгах. На деловую женщину она не очень похожа, не чувствуется жесткости и хватки. Он представил себе богатого мужика, который оплачивает ее расходы или,

попросту говоря, содержит, и понял, что ему было бы неприятно услышать об этом от нее самой, так же неприятно, как отвечать на ее вопрос о том, чем занимается он сам.

– Ты помнишь березы около школы? Каждый год на первое сентября во время торжественной линейки там высаживали березку.

– Не помню, – сказал Шибает.

– Ты ничего не помнишь! Там теперь целая роща! Я вчера забрела случайно.

– Ну почему «ничего»? Помню, как наш физрук принял с утра и упал с брусьев. Виталий Николаевич, хороший мужик был, зашибал только. Помню, как Фильку Дроздова стыдили перед всей школой и выгнали за хулиганство – он взломал замок в кабинете химии, вынес какие-то препараты, поджег их во дворе и чуть не устроил пожар. Еще помню, как побили окна в кабинете директора, а он топал ногами, угрожал репрессиями, милицией, колонией, требовал, чтобы мы выдали зачинщиков. Мы простояли в его кабинете четыре часа.

– Выдали?

– Нет! Но на другой день он все равно узнал. Мы думали на Мишку Зелинского, его старик работал в школьных мастерских, но Мишка клялся, что не он и что его батя не такой...

– Узнали кто?

– Узнали. Мишка Зелинский. Ему некуда было деваться, но это я уже сейчас понимаю, а тогда нет.

– Тебе не кажется, что кодекс чести в наше время был жестче?

– Не уверен. Я просто не знаю, что такое современная школа. Ребята, у кого есть дети, разное говорят. Вот пойдет Павел в школу...

– Славный у тебя мальчик!

– Славный, – согласился Шибаев и, поколебавшись, спросил: – А у тебя?

– Нет, – сказала Инга. – Никого у меня нет, ни мальчика, ни девочки.

– А ты вообще как?

– Нормально.

– Работаешь?

– Да, работаю, – ответила она и замолчала.

Он хотел спросить, с кем она, но не решился.

– А ты? Что такое «консультант по правовым вопросам»? Юрист? – она все-таки спросила.

– Вроде того, – промямлил он неохотно и подумал, что они оба не расположены говорить о себе. Может, это и к лучшему – язык не поворачивался сказать, что... Хотя на миг он почувствовал потребность поделиться с ней, как с родным человеком, рассказать обо всем, что с ним произошло, и определить, как воспринимается его рассказ. Подобное желание возникло у него впервые. Он не обсуждал того, что с ним случилось, ни с кем – ни с Верой, которая пыталась выяснить подробности, уже зная о случившемся от жены ко-

го-то из бывших коллег, ни тем более с Аленой. Он не стал бы обсуждать это даже с Гением дзюдо. Единственный человек, кому он мог рассказать, как это получилось, был его бывший начальник, полковник Басков. Но тот попросту списал его со счетов, как не списал бы никого другого, и потерял к нему всякий интерес. Он вспомнил, как Светлана Дмитриевна, их школьная математичка, говорила ему, недовольному, выводя тройку в классном журнале: «Вам, Шибаев, за это три балла. Вы должны работать больше!» А Санька Волобуев за такой же ответ получал четверку. Он, Шибаев, видимо, пробуждал в окружающих большие надежды, сам того не подозревая. И они чувствовали себя обманутыми, когда надежд этих он не оправдывал. В жизни ему попадались учителя и начальники, у которых он ходил в любимчиках. Светлана Дмитриевна, например, и Басков. Есть любимчики, с которых спросу нет вообще, а есть и такие, с кого требуется вдвойне, а то и втройне. Как с него. С чувством, похожим на сожаление, он решил ничего не говорить Инге. Откровенность обязывает. Еще не время.

– Саша, – вдруг прошептала Инга прямо ему в ухо, – там кто-то есть! Грабитель!

– Где?

– В кухне! Слышишь?

Шибаев приподнялся на локте и явственно услышал шелест жесткой пергаментной бумаги, в которую были упакованы продукты.

– Пойдем! – он потянул ее за руку. – Сейчас мы схватим его на месте преступления!

Они, держась за руки, осторожно прошли по коридору и остановились на пороге кухни. Шибает нашарил выключатель. На столе сидел Шпана и пытался откусить от большого куска темно-красного копченого мяса. Он наступил на мясо лапой, дергал головой, отрывая очередной кусок, и урчал от возбуждения. На них он не обратил ни малейшего внимания.

– Кот! – удивилась Инга. – Здоровенный какой! Твой?

– Знакомься, – ответил Шибает. – Шпана.

Он подошел к столу, схватил кота за шиворот, причем тот так и не выпустил мясо, и оно тяжело висело у него из пасти, и сказал: – Я тебя предупреждал, что бывает, когда берут без спроса?

Он тряхнул кота, тот выронил мясо и тут же попытался цапнуть хозяина за руку. После чего издал утробный боевой клич и предпринял попытку освободиться – с силой извернулся, широко расставив лапы. Шибает подошел к окну, дернул свободной рукой шпингалет и распахнул раму. Посадил Шпану на подоконник и сказал:

– Брысь!

Если бы не Инга, стоящая у него за спиной, он бы дал коту пинка, но при ней постеснялся.

– Он, наверное, голодный! – Инга схватила кусок мяса, который грыз кот, и бросила за окно ему вслед.

– Избалуеть мне животное, – проворчал Шибает, закры-

вая окно. – Он теперь будет все время мясо требовать. Кстати, я тоже умираю с голоду!

Они сидели за столом и ели ветчину с хлебом и маринованными огурцами, пили красное вино, наливая в чашки – рюмки забрала Вера – из длинной, необычной формы бутылки, похожей на колбу, закусывали паштетом и маслинами и поминутно смеялись. Им все казалось невероятно смешным – и то, что Шibaев уронил маслину на пол, а она покатилась, как живая, под стол, и то, что свежий хлеб не хотел резаться, а сминаясь и хрустел корочкой, и то, что Шibaев закашлялся, подавившись. Инга хлопала его по спине ладонью и приговаривала:

– Ах ты, жадина! Совсем как Шпана! Сейчас я тебя тоже в окно!

Они сидели почти обнаженные, и это воспринималось ими как должное. Они не стеснялись друг друга, и казалось, были знакомы вечность.

Потом они долго пили чай, после чего вернулись в постель. И только под утро наконец уснули.

Утром Шibaев, стоя в дверях ванной, наблюдал с радостным чувством, как Инга красилась. Каждое ее движение было полно прекрасного смысла. Вот она повернула голову слегка вправо, рассматривая себя в зеркале, и что-то отозвалось в нем. Он шагнул вперед и...

– Остановись! – умоляюще воскликнула Инга, протягивая к нему руки ладонями вперед. – Мне действительно нужно

домой. Там уже бог знает что думают. Я вернусь, честное слово, только захвачу свои вещи. И почищу зубы!

– Я поеду с тобой! – Он боялся, что она исчезнет, и отмечал это свое чувство, оказавшееся таким же новым для него, как и все, что между ними произошло, и с удивлением прислушивался к своим словам. Да что же это с ним такое творится?

– Хорошо, – смирилась она. – Посидишь в машине. Я недолго.

Глава 3

Оперативная информация и оперативные раздумья

Шibaев, прикидывая, с чего начать новую страницу в своей карьере, и испытывая удовлетворение от неоформившейся еще мысли, что, возможно, ему удастся избежать слезки за очередной неверной женой или загулявшим мужем, если он переквалифицируется, неторопливо набирал номер своего бывшего коллеги, тоже капитана, Олега Владимировича Трефилова, известного в отделении как Димыч, или Тротил, знатока всех цеховых слухов и сплетен.

– О, какие люди! – обрадовался Трефилов, сразу же узнав его. – А мы тут тебя недавно вспоминали. Где, думаем, Ши-Бон теперь обретается? Частным извозом занялся, слух прошел?

– Так точно! – рявкнул Шibaев. – А у вас что? – Говорить о себе ему решительно не хотелось. Кроме того, он был уверен, что Димыч и так все о нем знает.

– Николаев тебя видел в ресторане с шикарным бабцом. Ты что, снова подженился? – Тротил не позволил сбить себя с мысли.

– Нет, это просто клиентка, – ответил скромно Шibaев, прекрасно зная, что за этим последует.

– Клиентка? – преувеличенно поразился Димыч. – То есть рядовая обычная клиентка, каких много? Ну, полный абзац! Нам бы таких! Слушай, а помощник тебе не нужен? Я вполне мог бы помочь с клиентками в свободное от работы время, а то вкалываешь тут без продыху, а толку никакого. Или у тебя всего одна?

– У меня их много. Я подумаю, – пообещал Шibaев.

– Подумай! А вообще как житуха?

– Да как тебе сказать... По-разному.

– А у нас тут поговаривают, что Баскова забирают на повышение, а к нам переводят из города... Угадай кого?

– Теряюсь в догадках.

– Павлюка!

– Гришу Павлюка?

– Ну!

– Он неплохой мужик, – осторожно сказал Шibaев.

– Очень неплохой, – согласился Димыч. – Мы тут все прямо не нарадуемся.

Полковника Павлюка не любил никто за мелочность, придирчивость и злопамятность.

– Димыч, я хотел тебя кое о чем спросить...

– Я думал, ты соскучился по старому другу, а у тебя шкурный интерес. Очень ты все-таки изменился, господин Шibaев. Конечно, конь свинье не товарищ, и клиенты у тебя крутые, – Димыч любил потрепаться, – и начальства над тобой нет, ты сам себе хозяин, и тебе без разницы, что у нас кар-

динальные перестановки в бюрократическом аппарате...

– Почему все равно, очень даже... сочувствую, – сказал Шибаев.

– Я вас слушаю, – официальным тоном заявил Димыч. – Давайте свой вопрос.

– Тут одна моя знакомая попросила узнать насчет сестры – та уехала из дома и пропала. Зовут Елена Савенко, двадцать лет. Неудобно было отказывать, сам понимаешь... Можешь по старой памяти?

– Твоя знакомая? Из ресторана?

– Нет, – Шибаев решил быть терпеливым и нежным с Димычем, – другая. Из Липовцев. Их у меня пруд пруди.

– А у нас она была? А то привыкли, понимаешь, все по благу! – строго спросил Тротил.

– Была. Ей предложили подать заявление по месту жительства. Вам лишь бы спихнуть потерпевшего.

– Ты же сам знаешь наши порядки. Правильно ей предложили. У вас все?

– Не все.

– Так я и думал. Давайте ваш следующий вопрос.

– Все тот же. Меня интересуют неопознанные трупы молодых женщин за последние два месяца.

– Ты что, думаешь, эту дивчину...

– Ничего я не думаю. Начинать все равно с чего-то надо. Сделаешь?

– Сделать все можно... – Димыч выразительно замолчал.

Шибаете тоже молчал, зная, что его не стоит понукать.

– А знаешь, что полагается за разглашение секретной оперативной информации постороннему лицу?

– Вышка! Если повезет – четвертак без права переписки, – сказал Шибаете и добавил: – За очень секретную. За несекретную – меньше.

– Ну и жук ты, Шибаете! Секретная – несекретная! У нас несекретной информации не бывает. А благодарность?

– Само собой!

– Слушай, а твой «мерс» на ходу? – вдруг вспомнил Трефилов.

– Бегаёт. А что? – Никакого «мерса» у Шибаете, разумеется, не было, только старый «Москвич».

– Что, и правда «мерс»? – попался на собственную удочку Димыч.

– Ты ж знаешь, – ответил Шибаете. – Сколько раз на рыбалку ездили!

– А я-то думал... Я и хотел о рыбалке. Может, смотаемся на выходные?

– Куда?

– Как всегда, на Донку, около Дымарей! – Трефилов ожил. Говорить о рыбалке ему было намного интереснее. – Окунь клюёт, не поверишь! Сосед ездил на той неделе, так, можешь себе представить, ведро окуней привез и сома взял – здоровый, как конь! Он позвал меня как свидетеля, никто ж, говорит, не поверит, что в Донке сомы водятся!

– А это точно сом? Может, и не сом вовсе!

– А кто? С усами, как бельевые веревки!

– Не знаю! Я не против, давай!

– Тогда я Сливаку позвоню, пусть матчасть обеспечит! – обрадовался Димыч. – Если, конечно, не дернут по службе.

* * *

– Маркетинг? – переспросил Шибает. – Так ты у нас трудишься в торговле?

– А что, не похоже?

– Не очень, – искренне сказал он.

Была глубокая ночь. Они лежали обнявшись в спальне шибаетской квартиры и разговаривали. В открытое окно тянуло свежим холодным воздухом. Изредка где-то далеко проезжала машина, и шум ее мотора был единственным звуком, нарушающим тишину.

– Вернее, совсем не похоже. Торгового человека видать издали. А ты, я бы сказал... совсем из других сфер.

– Каких же?

– Искусство, кино, театр, интурист... Вот если бы ты сказала мне, что работаешь переводчицей, живешь и там, и здесь, я бы поверил. Что-то в тебе есть такое... вернее, чего-то нет... То, как ты говоришь, улыбаешься, заговариваешь с людьми на улице... – Шибает запнулся и замолчал, не умея рассказать Инге про нее саму.

Она тоже молчала. Потом сказала:

– Ты считаешь, что я не должна приставать к прохожим на улице, даже если мне очень хочется? – И они оба рассмеялись.

– Ши-Бон, – произнесла Инга, как будто пробовала звуки на вкус. – Ши-Бон! Бон-бон! Знаешь, меня всегда завораживало твое имя. Один человек, болгарин, написал книгу о воздействии звуков на человека. Люди ассоциируют звуки с цветом и чувством. Есть звуки опасные, расслабляющие, тревожные, тоскливые, радостные – всякие! Им соответствуют цвета: черный, фиолетовый, оливковый, красный и так далее. И любое слово воспринимается человеком не только по смыслу, а еще по звуку и в цвете. Например, слово «женщина» состоит из тяжелых, мрачных и зловещих звуков, у него цвет коричневый или черный. От него исходит опасность. Странно, правда? Женщина должна называться по-другому. Ну, например, «люмирта» – светло, нежно и звонко. Правда? Хотя, с другой стороны, далеко не все женщины «люмирты». А слово «трава» – радостное и ярко-зеленое.

– А «Ши-Бон» какого цвета? – заинтересовался Александр.

– «Ши-Бон»? Сейчас определим. «Ши» – конечно, темно-желтого или оранжевого, как платье буддийского монаха. «Бон», «бонн», «боннн» – темно-зеленого, пожалуй. Вместе – сдержанная угроза! Набат. Гудение. Возможно, взрыв. Тайная суть – сила, летящая стрела. И еще – пузырьки газа в

стакане с шипучкой, пепси или шампанским.

– Особенно мне понравилось насчет стакана с шипучкой. А какого цвета твое имя?

– Не перебивай! Маленькой я повторяла про себя «Ши-Бон-Ши-Бон-Ши-Бон»! Слово сливалось в гул, и мне казалось, что гудит колокол. А когда вы играли в футбол за школой и твои друзья кричали: «Ши-Бон, пас! Ши-Бон, давай, жми!», я впадала в транс. Наверное, ты был моей первой любовью.

– Той, что на всю жизнь?

– Той, что из детства! Самой-самой! Той, о которой помнишь всю оставшуюся жизнь.

Шibaев притянул Ингу к себе. Она обняла его сильными тонкими руками, и он вдруг вспомнил полузабытую фразу Вадика Стеценко из далеких школьных лет. Вадик поделился с ним своим первым сексуальным опытом и сказал тогда: «У меня голова циркулем весь день!» И Шibaев, целуя Ингу, ощущая запах и вкус ее губ, понял, что стремительно и бесповоротно погружается в оглушительно-восторженное состояние «голова циркулем», так образно описанное его другом много лет назад...

– Я помню девочку, которую ты провожал домой, – сказала вдруг Инга. – Красивая, с платиновыми волосами. Кристина. Я называла ее принцесса Кристина.

– Кристина? Не помню, – соврал Шibaев. Он, конечно, помнил первую красавицу их класса, но всегда следовал

неписаному правилу никогда не говорить о женщинах с другими дамами.

– Я тебя страшно ревновала и тащила за вами после уроков... Она жила за площадью, напротив парка с лягушками.

– Не помню, – повторил он еще раз. – Разве ее звали Кристина?

– А как?

– Забыл. Когда это было!

– Вы, мужчины, совсем не сентиментальны. А я придумала целую историю вашей любви и до сих пор помню...

– А у вас, девушек, одна любовь на уме!

– Мне тогда было девять лет. На переменках я бегала к твоему классу, чтобы хоть одним глазком взглянуть на тебя.

– Почему ты выбрала именно меня?

– Наверное, из-за ящерицы. Я часто думаю, как мало мы, взрослые, знаем о детях. Мы забыли все, что было в нашем детстве, и поэтому не понимаем детей. Вот скажи тебе сейчас, что твой Павлуша любит девочку из соседней группы детсада, как ты к этому отнесешься?

– Теперь и не знаю. Бедные маленькие человечки, ты хочешь сказать?

– Да! В любом возрасте любовь – это боль!

– Никогда об этом не думал. Неужели все специалисты по маркетингу такие сложные?

– Все до одного. К твоему сведению, маркетинговые исследования очень способствуют развитию воображения.

– Мышиный горошек! – вдруг сказал Шибаев.

– Что? – не поняла Инга.

– Твое имя как мышиный горошек. Цветок такой! Синий с белым и розовым, в завитушках!

– Очень поэтично! Инга – Мышиный горошек в завитушках! Всякий на твоём месте сказал бы «роза» или какой-нибудь «тюльпан», что было бы просто неприлично. То ли дело – «мышиный горошек»! Ши-Бон, в тебе пропадает поэт. Ты стихи, случайно, не сочиняешь?

– Сочиняю! Заметно?

– Еще как! Почитаешь?

* * *

– Представь себе, что нужно найти девушку в большом городе. – Шибаев говорит тоном школьного учителя, объясняющего задачу ученикам. – Нам известно, что ее зовут Лена, возраст – двадцать лет, особые приметы – родинка на шее справа чуть ниже уха, блондинка, белокожая, голубоглазая, почти без бровей, нос уточкой. Характер...

– Характер при чем? – перебивает Инга.

– Характер очень важен, – назидательно говорит Шибаев. – Если человек труслив и осторожен, он не пойдет один ночью гулять, и если окажется, что во время ночной прогулки его сбил автомобиль, я подумаю, что это вполне могло быть преднамеренным убийством, инсценированным под

несчастный случай.

– Прямо итальянская мафия какая-то. А ты не усложняешь?

– Усложняю, конечно. Чтобы ты поняла, как важны характер и привычки человека. Смерть в результате несчастного случая, да и насильственная тоже, часто зависит именно от характера и привычек.

– Я уже поняла. И какой же у нее характер?

– Серьезная, как сказала ее сестра, честная, не из этих. Хотела семью и детей. Не особенно предприимчивая. Видишь, ехать за границу не сама надумала, а подружка подбила. Легко подпадает под чужое влияние. Доверчивая. Пошла на связь с «нужными людьми», которые, видимо, пообещали выезд за границу.

– И что теперь?

– А теперь возьмем фотографии, любезно предоставленные мне моим бывшим коллегой по кличке Тротил, и сравним с фотографиями, которые нам дала сестра Лены Савенко. – Шibaев достал из кожаной папки толстый желтый конверт и вытащил оттуда пачку фотографий. Задумчиво посмотрел на Ингу и предложил: – Может, я сам?

– Нет уж! Давай вместе! – не согласилась она.

Шibaев не ответил и стал раскладывать в ряд на столе яркие цветные снимки.

– О господи! – вырвалось у Инги при взгляде на первое фото. Она взяла его в руки и принялась рассматривать. Сни-

мок изображал полураздетую женщину с разбитым лицом и короткими рыжими волосами. Взгляд ее, странно неподвижный и невидящий, был устремлен в пространство.

– Это не наша, – сказал Шибает, мельком взглянув на фото.

– Откуда ты знаешь?

– Этой за тридцать, жизнь она вела бурную и несправедливую, и на правом плече у нее наколка, видишь? – он ткнул пальцем. – Бабочка. У нас тут мода пошла на бабочек. Красная бабочка стала профессиональным знаком местных проституток, торговой маркой.

– Как королевская лилия?

– Вроде того. Только королевскую лилию выжигали по приговору суда, и она считалась позором, а бабочку они накалывают сами, добровольно. Времена меняются. Теперь, смотри, эта вот – тоже не наша. Смуглая, черноволосая и узкоглазая. Южная птичка. Наша Лена – типичная славянка. Теперь ты! – он протянул Инге следующую фотографию.

Инга, испытывая странное чувство нереальности и игры, с любопытством взяла фото. На жухлой прошлогодней траве в лесу или парке – вокруг видны деревья, – разбросав руки и ноги, лежала полностью обнаженная женщина. Багрово-синее распухшее лицо, выпученные глаза, оскаленные зубы. На шее – ярко-красная длинная тряпка, похожая на шарф, рядом разбросаны одежда, блестящие тюбики косметики, какие-то бумажки, монеты, брелок в виде Микки-Мауса.

са с тремя ключами. Инга испытала мгновенную сухость во рту, сердце рухнуло в желудок, она вскочила со стула и бросилась в ванную. Шibaев проводил ее взглядом. Она вернулась минут через десять с покрасневшими глазами и мокрыми волосами. Шibaев коротко взглянул на нее, но промолчал.

– И часто такое случается в вашей работе? – спросила Инга, не глядя на него и с трудом выговаривая слова.

– Часто – это сколько, по-твоему? – ответил он не сразу вопросом на вопрос.

– Часто – это часто!

– Часто – понятие относительное. Каждый день, раз в неделю, раз в год – вот конкретные понятия.

Он сам не понимал, почему говорит с ней подобным тоном. Он испытывал раздражение оттого, что затеял нелепые детективные игры. Произвести впечатление захотелось, что ли? Она далека от всего этого, а он просто дурак, пацан недоделанный.

– Вот это! – она показала пальцем на красочные фотографии, лежащие в ряд на столе. – Сколько раз в год?

Шibaев вздохнул и сказал осторожно, намеренно занижая цифру, чтобы не пугать ее:

– Три-четыре, я думаю.

– Бедные вы, – вдруг сказала она, глядя на него со странным выражением. – Как же вы после этого... – Инга не закончила фразу, но он понял, что она имела в виду.

– Привыкли. Человек ко всему привыкает. Знаешь, я передумал, – произнес он внезапно, не глядя на нее. – Хватит страшилок, ставим точку и едем на реку купаться. Вода, говорят, совсем теплая. – Он собрал фотографии со стола и принялся засовывать их в конверт.

– Не хочу! – сказала Инга. – Дай сюда! – она протянула руку.

Шibaев, поколебавшись, вложил конверт ей в ладонь, но не спешил разжимать пальцы. Инга дернула конверт, но Александр все его не выпускал. Инга дернула сильнее:

– Дай!

– Я нашел ее, – сказал он вдруг, и Инга от неожиданности разжала ладонь.

– Покажи!

Она взяла протянутую им фотографию, положила рядом со снимком Лены Савенко, лежащим на столе. Первое фото делали, видимо, в местном ателье. Лена со «взрослой» прической – завитыми, собранными в узел на затылке волосами – сидела в старинном кресле на фоне шикарной драпировки, в неестественной, слегка напряженной позе, с книжкой на коленях, смотрела вдаль и улыбалась кончиками губ. Красиво и помпезно, по законам провинциального шика. На простеньком лице ее написаны простодушие, доверчивость и радостное ожидание подарков судьбы. На другой фотографии оказалась та же девушка, но, боже мой, какая разница была между снимками! Лена, обнаженная, лежала, вытянув-

шись, на узком длинном столе, покрытом белой клеенкой. Заострившееся бледное лицо в синяках и царапинах, ссадины и следы порезов по всему телу...

– Как это... – начала потрясенная Инга, но Шibaев перебил ее:

– Она побывала в руках маньяка, человека с явными психическими отклонениями. Он нанес ей множество неглубоких ножевых ран...

– Изнасиловал?

– Нет. Она была девственницей. Он держал ее на даче за городом. Ей удалось вырваться оттуда... Она бежала ночью в метель босая, раздетая, и... ее сбил автомобиль, который случайно оказался там, если, конечно, владелец машины рассказал правду. Не вижу, однако, зачем ему врать. Он привез ее в районную больницу. Она умерла утром следующего дня, не приходя в сознание, или, вернее, того же, потому что машина сбila ее около полуночи.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– Несправедливо, – сказала Инга тихо. – Она спаслась от убийцы и умерла в больнице. Бедная девочка!

Шibaев молчал, угрюмо раздумывая, что же делать дальше. Самым правильным было вернуть фотографии Тротилю и рассказать капитану все, что ему известно о Лене.

– Они должны были показать сестре эти фотографии, – сказала вдруг Инга. – Они не имели права отправлять ее ни с

чем, не выслушав толком. Даже если ты все им расскажешь, они не будут искать этого подонка. – Она словно читала его мысли.

– Ты не права, – ответил Шибает. – Будут. У них больше возможностей, чем у меня.

– Но и дел тоже больше, – возразила Инга. – Ты уверен, что его найдут?

– Тут ни в чем нельзя быть уверенным, – ответил он, ту-по глядя в стол. Он не считал своих бывших коллег глупее себя, нет, но... «Но что? – спросил он мысленно». – «А то, – ответил он себе, – что у тебя руки чешутся по оперативной работе и до смерти надоело подглядывать в замочные скважины чужих спален, тебе хочется настоящей работы, которая у тебя всегда получалась, и ты уверен, что щелкнешь это дело, как орех».

Глава 4

Сентиментальная история

«Хоть и немногие из людей Цезари, каждый из них стоит раз в жизни у своего Рубикона», – сказал пару сотен лет назад граф фон Бенцель-Штернау, писатель, министр и просто умный человек.

Но на вопрос, судьба ли, неумолимая и непреклонная, берет нас за шиворот и толкает через Рубикон или то наш свободный выбор, никто пока не ответил.

Впрочем, у каждого человека есть что сказать по этому поводу...

...Станислав Сигизмундович был поляком, что, собственно, явствует из его имени. Правда, почти всю свою жизнь, исходя из соображений здравого смысла и целесообразности, он именовал себя Семеновичем – времена были такие, испытывая при этом чувство вины перед покойным родителем – паном Сигизмундом. Знание польского языка тоже скрывалось. Хотя это было довольно затруднительно – всякие там куртуазные «цалуе рончки», «цо слыхать в сьвеце элеганцким?» и «пшипатам до нуг пьенкней пани», которыми славится вышеупомянутое племя, так и просились на язык, вызывая чувство ностальгии по ушедшим временам. Правда, он мог тайно перечитывать на родном языке любимые книги,

вывезенные и сохранные, – «Потоп» Генрика Сенкевича, безмерно восхищаясь и гордясь молодым горячим шляхтичем Кмитицем, готовым за прекрасной панной в огонь и воду, или ангелоподобной панной Данусей из «Крестоносцев», смеясь злоключениям пана Заглобы и со слезами на глазах повторяя певучие строки. В книгах была родина, утраченная навсегда. А он не мог обнаружить знание иностранного языка, не мог называться Сигизмундовичем, под запретом было и многое другое, и все это сравнительно недавно, еще след заметен, еще живо в памяти, ну, каких-нибудь... совсем недавно, одним словом.

И как подумаешь о том, что было под запретом, то чувство ностальгии по минувшим временам начинает таять, как струйка дыма из одного старого, популярного когда-то романа. Помните? «Моя любовь – не струйка дыма, что тает вдруг в сиянье дня», и голос такой сладкий, томный! Ну а потом все вдруг переменялось. В один прекрасный день пришла мода на все польское. Магазин открылся «Ванда», духи «Быть может» стали продаваться, шампунь ромашковый и печатные издания, официально одобренные и разрешенные к чтению, правда, в малом количестве, так что на всех не хватало. А чего хватало? Хороших вещей, как и хороших людей, никогда не бывает много.

А потому и духи «Быть может» или «Может быть», и ромашковый шампунь, и замечательные польские грибные супы в пакетиках, а также печатные издания, всякие там

«Шпильки», «Пшекру», «Польша» и «Ванда», можно было купить, как правило, по благу у знакомой продавщицы или киоскерши. Все вдруг стали учить польский язык и влюбились в Северина Краевского и его «Червоны гитары». Но это уже потом, потом...

Когда все разрешили, Станислав Семенович снова стал Сигизмундовичем, являя публично сладкий и запретный плод тщательно скрываемой патронимии¹. И оказалось, что не забыт родной язык, сладко тающий во рту, правда, слегка устаревший и несовременный, как праздничная одежда, хранимая до времени в старом деревянном сундуке с почерневшими железными ребрами. Что значит «устаревший и старомодный»? Это язык Сенкевича, литературного гиганта, язык-эталон и язык-источник, который не просто средство общения, о нет! Для общения нам хватило бы ста пятидесяти слов, как говорят ученые-лингвисты, и вполне хватает, между прочим. Причем сюда включены различные полисемантические существительные, междометия и восклицания вроде «блин», «ну» и «типа», имеющие по доброму десятку значений. Язык пана Станислава был как музыка со своими законами ритма, фонетики, сочетаемости элементов, интонационными аккордами аллюзий, скрытой иронии, куртуазности, мягкого смеха, цитат из классиков, вкраплениями интеллекта и разговорных связок – божественные, чуть пришепывающие звуки, какие издает старая граммофонная пла-

¹ В данном случае – наследование отцовского имени.

стинка, в отличие от грубого и резкого современного наречия, унифицированного географически из-за бесчисленных заимствований из иностранных наречий и перемещения народов.

Лет десять назад пан Станислав похоронил жену, русскую достойнейшую женщину, хирурга по профессии, которая называла его пшеком. У нее было только два... не недостатка, упаси боже, а... а... даже трудно сразу подобрать слово! Ну, скажем, две черты в характере, которые безмерно огорчали пана Станислава. Она любила командовать, что еще можно было стерпеть, и не выносила польской речи, ревнуя мужа к его прошлому, что оказалось намного хуже.

Она сердилась, видя мужа с книгой или журналом на польском языке. «Разве это язык? – презрительно говорила она. – Недоразумение, а не язык! Ш-ш-ш-ш...» – шипела жена, подражая звукам чуждого языка, и даже слегка брызгала при этом слюной. Выучить родной язык мужа или хотя бы попытаться не приходило ей в голову...

История их знакомства весьма романтична и может являть собой иллюстрацию к вопросу о судьбе. Алла Михайловна, так ее звали, была военврачом, успела повоевать на фронте, ценилась за твердый характер и умелые руки. «Если придется идти под нож, – любил повторять начальник госпиталя полковник Брыль, – то только к капитану Самсоновой!», подразумевая не только то, что Алла Михайловна – интересная женщина, но еще и первоклассный хирург. А по-

пасть на операционный стол в те времена было проще пареной репы. Леса наводняли отряды «лесных братьев», которые воевали сначала против немцев, а потом против Советов. Почти каждую ночь они совершали вылазки в села и города, в ответ поднимались по тревоге части НКВД, начинались бои местного значения. Жертвы были и с той, и с другой стороны. Казалось, война в этих местах никогда не закончится.

Военная часть, где служила Алла Михайловна, была расквартирована в небольшом городке, еще совсем недавно польском, – чистеньком, аккуратном, с часами на ратуше, мелодично отбивающими, чуть опаздывая, каждый прожитый час. Часы эти являлись таким же атрибутом городского интерьера, как и деревянные, выкрашенные красной краской мясные ряды на базаре, что рядом с городской площадью, куда ведет спуск по кривоватой, вымощенной «кошачьими лбами» мостовой; как громадный костел в старом тенистом парке – поздняя готика, с узкими сводами мрачноватой витражной мозаики, металлическими ажурными двустворчатými дверями, выстроенный князем Данилой лет пятьсот назад. На северной стене костела, под самой крышей, как печать, личный знак князя – серого камня стилизованные изображения стопы, кисти руки и головы, что значило – там, куда ступила нога славного князя, его рукой в честь его же головы воздвигнут сей храм.

Городок был очаровательным, со своим особым духом

старинны, уходящим в темные замшелые века, с историей, похожей на историю любого западноевропейского города, полной нападений подлого врага – вчерашнего соседа, оборон, осад, перехода из одних рук в другие и сменой знамен. Из рук Киевской Руси он попал в руки Польши, затем Австрии, затем снова Польши, пока наконец в 1939-м его не присоединили к Украине. Тротуары городка были вымощены хрупким разноцветным сланцем – серо-лиловым, розовым, голубым и зеленым; кариатиды со слепыми глазами, изогнувшись, поддерживали плечами балконы; били фонтаны, называемые колодцами; двери многочисленных ресторанов, кафешек и кондитерских приветливо открывались навстречу гостям, являя белоснежные скатерти, салфетки, запах хорошего кофе и ванили.

Увы, увы! Все это осталось в недалеком, но безвозвратно утерянном прошлом. Новая власть – новые песни. Костел закрыли – новая власть не верила в Бога. Ресторанчики и кафешки тоже были закрыты – новая власть также не верила и в частную инициативу. Красный флаг развевался на часовой башне ратуши. Перестрелки, облавы, «лесные братья», комендантский час и аресты, аресты, аресты стали реалиями послевоенной жизни.

Пан Станислав, молодой человек приятной наружности, работал провизором в аптеке на Старой бреме, а провизоры, как известно, вне политики. Он трудился так же, как и раньше, ни во что не вмешиваясь и стараясь не поддержи-

вать разговоров с клиентами на опасную тему «Советов».

– Слышали новость, пан Станислав? – спрашивал старый одышливый пан Висенты, забегающий якобы за «когуткем»² для жены, страдающей головными болями, а на самом деле для того, чтобы перекинуться парой слов и узнать новости. – Арестовали пана Бронислава!

– За что? – пугался пан Станислав.

– «Лесные братья»! – многозначительно понижал голос пан Висенты. – В Сибирь пойдет теперь, если раньше не расстреляют!

Он принимал из рук пана Станислава пакетик с лекарством и, бормоча: «Цо ж то за жице, Матка Боска!», уходил, шаркая старыми ногами и оставляя Станислава в тоске и недоумении. Аптека на Старой броне была семейным бизнесом и принадлежала его отцу, умершему восемь лет назад. С приходом новой власти аптеку отобрали, а пана Станислава, то ли по недосмотру, то ли еще по какой причине, оставили заведующим. Он честно работал, но все время боялся, что власти спохватятся и за ним придут на рассвете, как пришли за старостой Дубовицким, который, по слухам, ушел с немцами, а на самом деле прятался в погребе, или за колбасником Заходяком. И что тогда станется с пани Изабеллой, мамой пана Станислава, уже немолодой, полупарализованной дамой? Ее, может, тоже арестуют, борони боже, и посадят в

² Когуткем – петушок, так назывался в просторечье аспирин, на упаковке которого был нарисован петух.

городской централ или отправят в дом престарелых, хотя кто знает, есть ли у Советов дома престарелых. Ужас, ужас!

Особенно переживал пан Станислав после ночного визита человека из леса, который потребовал медикаменты и перевязочный материал. Станислав дал, что мог, и знал, что придут еще и рано или поздно все закончится плачевно. Он понял, что его собственная судьба не интересует «лесных братьев» так же, как она не интересует и новую власть. Никто не пожалеет маленького человека и его больную маму и не войдет в их положение.

Случай иногда идет навстречу хорошему человеку. То, что произошло с паном Станиславом, подтверждает эту сомнительную истину. Раз в две недели он прибывал на торговый склад за товаром для своей аптеки. Туда же приезжала на «газике» с военными номерами русская дама-врач в звании капитана медслужбы, не доверявшая вороватому снабженцу и предпочитавшая наблюдать за госпитальными поставками лично. Как уже говорилось, Алла Михайловна была прекрасным хирургом, честным человеком и обладала жестким мужским характером, а это значит, что при случае могла тяпнуть стакан неразведенного спирта и послать, как выразился один ее коллега, «по-женски, но далеко». Ей сходило с рук многое из того, чего не простили бы мужчине. Так, однажды Алла Михайловна брякнула военкому, человеку суровому и властному, приехавшему в госпиталь с инспекцией, что лучших милосердных сестер и сиделок, чем

две монашки из разогнанного местного монастыря кармелиток, у нее в отделении отродясь не было, а посему она требует трудоустроить еще четверых, а вечно пьяную Тасю Силкину и нечистую на руку Нину Нечипорук гнать к чертовой матери. Полковника Брыля, присутствовавшего тут же, даже в жар бросило – как будто неизвестно, что монашки связаны с «лесными братьями»! А если они потравят медперсонал и больных, к такой-то матери? «Глупости! – сказала, как отрезала, Алла Михайловна. – Головой отвечаю!» И ведь добилась, взяли монашек в госпиталь, а Нину Нечипорук уволили. Тася, правда, осталась. За нее заступился начальник госпиталя – что-то там их связывало.

В один прекрасный осенний день пан Станислав нерешительно приблизился к пани доктору, курившей папиросу у дворике медсклада и любовавшейся красными кленами, и поздоровался. Алла Михайловна кивнула в ответ, мельком взглянув на молодого человека. Видя, что он не уходит, она выжидательно посмотрела ему в глаза. Надо заметить, что пан Станислав был хорош собой. У него было приятное, открытое лицо, карие глаза и тонкие усики по тогдашней моде, он чисто и аккуратно одевался и манеры имел самые деликатные, что выгодно отличало его от окружавших Аллу Михайловну вояк – в сапогах, с оружием, от которых несло кирзой и спиртным. С первого взгляда становилось понятно, что пан Станислав – человек сугубо штатский и воплощает собой все то, о чем Алла Михайловна давно забыла, а может,

и не знала вовсе: деликатность, мягкость, преклонение перед дамой и немедленное желание поцеловать её ручку, словом, тот чуждый Востоку налет изысканности и галантности, которым славятся «пшеки». «Если вы увидите мужчину, в центре Парижа целующего руку женщине, можете не сомневаться ни на секунду – это поляк!» – хвастливо написал однажды журнал «Пшекруй» и был, скорее всего, прав.

Некоторое время молодые люди смотрели друг другу в глаза – серо-голубые жесткие в мягкие карие, чуть улыбающиеся. Судьба сделала стойку. Пан Станислав отвел взгляд первым и сказал:

– Я бы хотел попросить пани докторку... – Он замялся.

– Да? – подбодрила его Алла Михайловна, бросая окуроч на землю и наступая на него каблуком.

– Моя мама, проше пани... она есть очень больная, не встает четыре года. Я хотел спросить, может, есть какая новая метода лечения спарализованных больных...

– Что с мамой? – заинтересовалась Алла Михайловна.

– Инсульт, проше пани. Мы живем тут недалеко, на Варшавской... – ответил пан Станислав и испугался – ему показалось, что слова его прозвучали как приглашение.

Алла Михайловна тоже расценила их как приглашение, но не удивилась: местные жители иногда приглашали ее посмотреть больного через квартирную хозяйку, пани Элену.

– Станислав Гальчевский! – склонил голову провизор, спохватившись.

Алла Михайловна отметила, что он очень аккуратно причесан. Она была старше пана Станислава лет на шесть-семь, как сама прикинула, и за свою жизнь нахлебалась всего – войны с ее грязью, потом и кровью, случайных связей, когда подлый организм требует, а с души воротит. Был у нее некий майор, бывший деревенский парень, который приезжал время от времени из соседнего городка, они шли к ней на квартиру, пили спирт и совокуплялись торопливо и грубо, «для здоровья», как называла это ее подруга, гинеколог Прасковья Никитовна Поддубная. Пан Станислав стоял перед Аллой Михайловной такой приятный и элегантный, в черном костюме и белоснежной сорочке с галстуком. И она догадывалась, что он знает о женщинах то, чего никогда не узнать бравому майору. Она как-то особенно явно ощутила свои крупные руки с шелушащейся от йодоформа кожей и коротко подстриженными ногтями, свою грубую военную одежду и туфли на низком каблуке и смутилась. Не то чтобы смутилась, конечно, а просто подумала, что она давно уже не девочка, в годах, карьеру сделала, пользуется уважением коллег и начальства, а вот женская судьба ее не задалась. Ни мужа, ни детей. Бобылка, холостячка, с мужскими привычками и мужским характером. Сама вроде мужика. Вон как боятся ее в отделении, да и начальник госпиталя предпочитает с ней не связываться.

Она навестила пана Станислава и его мать через неделю. Гальчевский очень волновался, ожидая гостью. Он достал из

буфета семейную реликвию – кофейный сервиз тонкого полупрозрачного фарфора, настоящий севр, и серебряные ложечки. В обеденный перерыв забежал в кондитерскую лавку и купил миндального печенья, а из-под прилавка – свежемолотого австрийского кофе. Товары из-под прилавка становились знаменем времени.

Пани Изабеллу сын строго проинструктировал, что можно говорить, а чего нельзя. Нельзя о политике, арестах, «лесных братьях», нельзя ругать новую власть, жаловаться, что забрали аптеку. Пани Изабелла с нарумяненными щеками, с прической, которую сделала приглашенная на дом парикмахерша пани Ядзя, нетерпеливо ожидала «советку». Развлечений в жизни парализованной дамы было немного.

– Стасюню! – поминутно звала она сына. – Не забудь салфеточки! Возьми те, что я вышивала, с фиалочками! А ликер? Ты купил ликер? – кричала она через минуту. – У Богдановича!

Какой Богданович? Где он, тот Богданович, бывший владелец пивного погребка? Нету! Был, да сплыл. Ушел с немцами, говорят. Старая дама слегка заговаривалась и путалась в событиях.

– Стасюню, а чи ма мы хербатке? Вдруг «советка» не пьет кофе? Они ж больше чай пьют! Есть у нас чай?

– Есть! Нех мама не пшеймуе се, вшистка бендзе добже, в пожондку³, – отвечал пан Станислав, волнуясь и поглядывая

³ Пусть мама не волнуется, все будет хорошо, в порядке (*польск.*).

на часы.

Они очень мило посидели тогда. Дом Гальчевских был уютным и старым, с солидной мебелью, оставшейся от родителей отца, с семейными фотографиями и вышитыми готическими буквами прописными истинами на стенах – под стеклом и в рамочках. Букетики сухих цветов стояли в фарфоровых причудливых вазочках, кружевные, слегка пожелтевшие салфеточки украшали комод, диванную спинку и буфетные полочки. Картины в массивных золотых рамах темнели на стенах. Алла Михайловна даже подошла ближе, чтобы рассмотреть одну из них: дети, бегущие от грозы, а над ними простирает белые крылья ангел-хранитель. Пахло ванилью, мастикой для пола, духами пани Изабеллы, кофе и чуть-чуть нафталином. Всюду царил идеальный порядок, всякая вещь знала свое место.

Старая дама, правда, забывалась иногда и принималась сетовать на «новую власть, ктура забрала аптеке», или порывалась рассказать о соседе Влодеке, которого «заарештовали за ниц», то есть «ни за что», но бдительный пан Станислав тут же переводил разговор на безопасные темы, от души надеясь, что пани Алла не слишком хорошо понимает по-польски.

Он проводил Аллу Михайловну домой и поцеловал ей на прощание руку, которую она, смущенная, лишь усилием воли не отдернула, испытывая при этом чувство умиленной радости, ощущая себя женщиной, молодой и красивой. Уже

попрощавшись, пан Станислав вдруг вспомнил, что не отдал пани Алле подарок от мамы.

– Пожалуйста, – сказал он, протягивая маленький, перевязанный сентиментальной голубой ленточкой, пакетик, – на доброе знакомство!

В пакетике оказался хрустальный флакон французских духов, еще довоенных, с запахом, таким сладким и нежным, что у Аллы Михайловны закружилась голова. На другой день она спросила свою квартирную хозяйку, не знает ли она хорошую портниху.

– Ну как же! – всплеснула руками пани Элена. – Пани Халина! Она и материал достанет... – Тут она прикусила язык, вспомнив, с кем говорит.

В ту же ночь пришел «лесной брат» и потребовал у Гальчевского не только лекарства, но и продукты. Увидев его, пан Станислав едва не умер на месте от ужаса – ему показалось, что они уже пронюхали про пани докторку и пришли убить их с мамой.

– Знаешь, Стасюню, по-моему, ты ей нравишься, – сказала как-то пани Изабелла, в который раз поражая сына своей пронизательностью. – Неудивительно, такой фэйный млоды человек, каждая кобьета мяла бы за щенсьце...⁴

– Да ладно вам, мама... – перебил ее смущенный пан Станислав.

⁴ Неудивительно, такой прекрасный молодой человек, каждая женщина считала бы за счастье... (польск.)

Пани Изабелла умерла через два месяца после знакомства с «советкой». Ушла тихо и деликатно, как умирают божьи избранники – просто однажды утром не проснулась. Осиротевший пан Станислав, несколько соседей и ксендз собрались на старом кладбище проводить пани Изабеллу в последний путь. День был мрачный и ненастный. С утра не прекращался мокрый снег с дождем и дул пронизывающий ветер. Типичная погода для западноевропейской зимы. Они стояли, укрываясь зонтиками от ненастья, среди города мертвых с его домиками-усыпальницами, с печальными позеленевшими ангелочками когда-то белого мрамора, решетками ажурного литья и урнами с осыпавшимися каменными цветами.

Вернувшись домой, пан Станислав налил себе стопку самогона – сизо-голубого вонючего бимбера, подпер щеку рукой и задумался о том, как жить дальше. Горе его было неподдельным – он любил пани Изабеллу и был примерным сыном, но где-то глубоко внутри тем не менее зрела крамольная мысль о том, что смерть матери освободила его от тяжелой повинности ухаживать за властной и капризной больной и что смерть эта стала в большей степени знаком новых времен, чем красный флаг на ратуше и солдаты в чужих мундирах, марширующие по городским улицам. Былое ушло без-

возвратно. И, значит, надо жить дальше и приспособливаться к новым условиям.

Такие вот философские мысли теснились в нетрезвой голове пана Станислава, когда раздался стук в дверь. Он решил, что пришли от «лесных братьев», но ошибся. Это была Алла Михайловна в новом элегантном темно-синем пальто с высокими подложенными плечами и синей же велюровой шляпе с широкими полями, чужая, красивая, непохожая на себя. С покрашенными губами. Пан Станислав даже не узнал ее сначала. На лице его проступило восхищение. Он отступил в сторону, пропуская Аллу Михайловну. «Это для пани Изабеллы», – сказала она, протягивая коробку с печеньем. Пан Станислав закрыл лицо руками...

В тот же вечер они стали любовниками. Влечение вспыхнуло в них как пожар. Пан Станислав, привыкший подчиняться матери, с готовностью принял лидерство новой подруги, испытывая глубокое уважение представителя буржуазного общества к ее неженской профессии, для которой нужно много и долго учиться.

Через некоторое время начмед пригласил Аллу Михайловну на беседу и по-мужски прямо сказал ей все, что он думает о ее романе с местным жителем. Алла Михайловна так же прямо и по-мужски ответила, что она думает о нем самом и таких мужиках, как он. Слава богу, она уже знала разницу. И подала рапорт об увольнении.

Они уехали с Западной Украины спустя полтора месяца,

посетив перед отъездом могилку пани Изабеллы. Положили цветы и задумались о бренности жизни. Алла Михайловна деликатно отошла. Спустя некоторое время пан Станислав, с покрасневшими глазами, присоединился к ней, и они неторопливо пошли по мощеной кладбищенской аллее к выходу. В душе пана Станислава звучала сладко-горькая скрипичная мелодия полонеза Огинского, который на самом деле называется «Прощание с родиной».

Судьба посторонилась и пропустила их вперед...

Они поселились в родном городе Аллы Михайловны, который стоял на спокойной, плавно текущей реке, еще недавно судоходной, а теперь обмелевшей. Алла Михайловна поступила в городскую больницу хирургом, а пан Станислав, перекрестившись в Станислава Семеновича, за что мысленно не раз просил прощения у покойного отца, устроился провизором в пятую районную аптеку, что находилась недалеко от их дома. И стали жить они поживать, тихо и безмятежно, и добра наживать.

Кто-то мог бы подумать, что пан Станислав был обыкновенным подкаблучником, но это не совсем так. Конечно, Алла Михайловна, будучи женщиной решительной, громогласной и рубящей сплеча, являлась лидером в семейном коллективе. Рядом с ней пан Станислав действительно выглядел подкаблучником. Знакомые называли его «военным трофеем» Аллы Михайловны.

Но... Всегда существует «но», не правда ли? Алла обожа-

ла мужа и дико ревновала и в то же время прекрасно понимала, что, несмотря на мягкость и деликатность, пан Станислав обладает характером, убеждениями и моралью, переступить через которые он не станет ни за какие блага. Выслушав, например, рассказ жены об очередном конфликте в отделении, где Алла Михайловна пыталась насадить военный порядок и дисциплину, и ее сетования на бардак, царящий на гражданке, он мягко и доходчиво раскладывал конфликт на составные части, а составные части по полочкам – кто прав, кто виноват и кому вообще следовало бы промолчать, а если не промолчать, то какими именно словами выразить свой упрек.

– Подумаешь, – говорила Алла Михайловна, внутренне соглашаясь с доводами мужа, но не желая быстро сдаваться, – нежные какие – не так сказала! Переживут! Мы и не такое переживали на фронте...

Через несколько лет Аллу Михайловну назначили заведующей хирургическим отделением, а затем и главврачом больницы. Ушло несколько недовольных и нерадивых, рассыпая проклятия в адрес бой-бабы и стервы, но ядро коллектива осталось. Областная больница стала образцом для подражания: специалисты прекрасные, взятки не берут, блата не признают, словом, демократия в действии. Но и Алла Михайловна, как львица, отстаивала свой коллектив, выбивая квартиры молодым специалистам, и даже переманила уролога и хирурга из районной больницы, а потом отбивалась

от жалоб, аргументируя содеянное тем, что «это вам не крепостное право» и «людям надо создавать условия». И никто не догадывался, что была в том заслуга пана Станислава, которому удавалось без особых усилий смягчать норы супруги.

Алла Михайловна ревновала мужа к посетительницам аптеки, к соседкам, которые забежали к милейшему Станиславу Семеновичу за советом косметического толка, ибо вскоре он стал известным в городе травником и косметологом, делал питательные и увлажняющие кремы с календулой, ромашкой, чередой и китайским лимонником, а его препараты от псориаза и себореи были чуть ли не единственными, которые действительно помогали, обладая вдобавок приятным запахом в отличие от патентованных средств. Начиная с мая и до поздней осени ранним утром в субботу и воскресенье уходил пан Станислав на охоту за растениями. Если кто-то думает, что собирать травы легче легкого – сорвал и запихнул в мешок, то он глубоко ошибается. Для всякого растения есть свой срок – период, когда оно накапливает наибольшее количество полезных веществ. Даже время дня для сбора имеет значение. Для одного это утро, для другого – закат, даже почвы, даже соседи и близость воды. Травоведение – это тонкая наука и религия одновременно, которая дается в руки людям спокойным, терпеливым и доброжелательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.